

РАЗВОД ДАРИНА РОММ

ПОПАДАЊКА
ПОД
РАЗВОД

Дарина Ромм

Попаданка под развод с чудовищем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73388173

SelfPub; 2026

Аннотация

Развод – не повод для знакомства? Не в моем случае!

Я вообще узнала, что замужем, только когда чудовище генерал эр Драгхар явился, чтобы развестись со мной. Тут и познакомились.

Возненавидели друг друга с первого взгляда и поехали на другой конец империи расторгать наш дурацкий магический брак. А что делать, если из-за него генерал не может жениться на дочери короля?! Так что дракон готов на все, лишь бы развестись со мной, и я его в этом поддерживаю!

Но мы даже не подозревали, к чему приведёт наш развод. Кто знает, почему в этом простом деле появилось столько препятствий?!

Содержание

Глава 1. Задача жениха – появиться на церемонии и правильно назвать имя	6
Глава 2. Свадьба – это когда по разные стороны стола собираются две группировки. Мафия жениха и мафия невесты	17
Глава 3. Жизнь – большая ловушка, состоящая из мелких. Если прислушаться, можно услышать, как они щелкают, захлопываясь	23
Глава 4. Какое у Вас красивое имя!	29
Глава 5. Клятвы... Клятвочки... Клятвушки...	34
Глава 6. Выход – это тот же вход, если идти наоборот	42
Глава 7. Бывает, только подумаешь «какой отвратный денек», а он становится ещё хуже	54
Глава 8. Я придумал как уговорить овец пригласить волков на обед	58
Глава 9. Чудесный обычай носить траурные платья – черный так стройнит!	75
Глава 10. Ну и что, что у меня грудь впалая? Зато спина колесом!	84
Глава 11. Никогда не знаешь, за каким углом тебя поджидает что-нибудь интересное. Например, встреча с твоими детскими	89

кошмарами

Конец ознакомительного фрагмента.

95

Дарина Ромм
Попаданка под
развод с чудовищем

Попаданка под развод с чудовищем

Глава 1. Задача жениха – появиться на церемонии и правильно назвать имя

Королевство Раггеран. Генерал эр Драгхар

– Что значит «я не могу вас поженить»?!

Мой голос звучит спокойно, но жрец Храма Неба бледнеет, по бритому виску ползет струйка пота. Храмовник быстро ее смахивает, повторяет дрожащим голосом:

– Не могу, генерал! Вы... вы уже женаты.

– Жрец, ты с утра пораньше надышался белым туманом?! – спрашиваю еще спокойнее.

Рядом громко ахает Анастезия. Испуганно шепчет:

– Милый, я не понимаю, что происходит?

– Да, генерал, объясните нам, о чем говорит жрец?! – фальцетом взвизгивает брат моей невесты, Людир Псани. – Вы решили позабавиться, сделав предложение моей сестре, будучи уже женатым?

– Какая наглость, генерал! От вас мы такого не ожидали! – поддакивает мать Анастезии. – Я пожалуюсь Его Величеству!

Смерив парочку хмурым взглядом, снова поворачиваюсь к жрецу:

– Я жду объяснений. Два дня назад я был здесь вместе с

невестой, и алтарный камень подтвердил возможность брака. Старик, ты забыл, что лично поставил отметку храма на брачном разрешении?

Жрец нервно дергает шеей.

– Да, генерал, два дня назад... я лично поставил. Но сейчас на камне высветилось имя вашей... вашей супруги. Вы уже женаты, генерал эр Драгхар, – повторяет упрямо.

Анастезия громко стонет, прижимает руку ко лбу и начинает падать. К ней подсакивают мать и брат. С двух сторон подхватывают девушку под руки. Торопливо волокут в сторону каменной скамьи, высеченной в храмовой стене.

– Что?! Какое еще имя?! – рычу я, потеряв всякое терпение: что за фуллов бред несет этот старик?!

– Генерал, п-посмотрите сами, – лепечет жрец и отступает в сторону, открывая мерцающую на камне алую надпись.

Из-за моего плеча высовывает свой длинный нос Седрик и нараспев читает:

– *Аделаида эр Счастхар. Жена по клятве. Развод невозможен.*

Седрик довольно хмыкает и дурашливым голосом тянет:

– Ой, какая прелесть! Ты уже женат, мой дракончик! Королю придется умыться и отдать свою незаконнорожденную дочку другому славному парню. Ха-ха-ха!

– Заткнись, – произношу предупреждающим тоном, – Мне не до шуток.

Быстро прокручиваю в голове – эр Счастхар. Люстин эр

Счастхар, которому много лет назад я задолжал жизнь.

Правда, в то время я не считал это долгом. Тогда он был моим другом, и я, не задумываясь, сделал бы для Люстина то же самое, что он для меня.

Врагами мы стали много позже.

Кто она ему, эта женщина, которую он вдруг решил сделать моей женой? Не помню, чтобы у него были сестры или дочери. Если только...

Поворачиваюсь к жрецу.

– Как мне развестись с этой... – бросаю взгляд на камень, – Аделаидой? И не говори, что это невозможно.

– Но... генерал... Вы не можете... это брак по кровной клятве, он нерасторжим! – храмовник бледнеет еще больше.

– Я знаю. Но будет лучше для всех, если ты что-нибудь придумаешь, жрец...

Через час, отправив заплаканную Анастею и ее разгневанных родственников домой, выхожу из храма. На миг зажмуриваюсь, ослепленный заливающим площадь солнцем. Подставляю ему лицо, позволяя смыть с кожи налипшую храмовую стылость.

– Эх, как же хорошо на свежем воздухе, да под солнышком! – вторит моим чувствам Седрик. Оглядывается на храм. – У меня в таких мрачных зданиях всегда начинается нервная почесуха и хочется в туалет.

– И поэтому ты начинаешь болтать, как заведенный?

– Вовсе нет. Исключительно от раздражающих меня про-

тиворечивых чувств.

Кидаю на него ироничный взгляд:

– Это каких?

Седрик крутит туда-сюда головой и задумчиво отвечает:

– Во-первых, это радость, что ты остался на свободе, мой генерал. Авось пока ищешь эту Аделаиду, наш славный король найдет своей дочке другого мужа.

– Не найдет, успокойся.

– погоди, я еще не все рассказал тебе о своих переживаниях. – Седрик поднимает костлявый указательный палец и многозначительно крутит им.

– В общем, радуясь, что ты остался свободен и доступен для прелестей холостяцкой жизни, я волнуюсь за твою дальнейшую судьбу. А ну, как наш добрый король решит, что ты оскорбил его? Женился втихаря на какой-то там Аделаиде, а его незаконнорожденную дочку от бывшей актрисы пустишь по боку, э?

Обидится и снова отправит тебя на границу с Прорвой, где ты сможешь от души крошить нечисть, проявляя свой отвратительный нрав в полную силу, – Седрик морщится и с досадой сплевывает.

– И что? Ты думаешь, меня испугает нечисть? – неспешно иду по залитому солнцем двору к коновязи, где привязаны наши лошади.

Седрик тащится за мной, носками сапог загребая пыль и продолжая болтать:

– Да, но перед этим он отберет все твое имущество, мой славный генерал. Ты же знаешь, что наш король любит так делать? Твою младшую сестру, этот прелестный цветочек, он отправит гнить в монастырь. Или отдаст замуж за кого-то вроде меня: беспринципного, неспособного на верность и проводящего дома от силы месяц в году.

Конечно, я описываю тебе худший из вариантов. Уверен, так поступить с тобой наш король не решится. Но... как говорится, будь готов к плохому, к хорошему мы и так всегда готовы.

– Лучше заткнись, балабол. Я дал Его Величеству слово жениться на Анастее и сдержу его. К тому же я сам хочу этого: девушка молода, красива и нравится мне. Уверен, наш брак будет удачным, – отвязываю своего коня и взлетаю в седло.

– А еще у нее широкий таз, и она нарожает тебе множество здоровеньких дракончиков, будущее славного рода эр Драгхар! – следом за мной оруженосец садится на свою лошадь.

Усмехаюсь, чувствуя, как от болтовни Седрика невольно поднимается настроение:

– И это тоже. Широкие бедра еще ни одну женщину не изуродовали и служат достойным приданным.

Трогаю коня с места и неспешно выезжаю за ворота храма. Ну что же, как я и предполагал, вариант обойти клятву крови и развестись есть. Не так просто, но вполне решаемо.

Осталось только отыскать эту... Аделаиду... Ну, и имечко!

Глава 2. Как известно, принцессы сами не появляются, их надо искать, пленять, завоёвывать...

Двумя часами ранее. Аделаида

– Вяземская, четыре минуты до выхода! Живо к сцене! – пронзительный голос Владика, режиссера нашего спектакля, заставляет меня вздрогнуть.

Бросаю на себя взгляд в зеркало, проверяя лицо: вроде бы все в порядке. Следов слез не видно, красный распухший нос тщательно запудрен, прическа держится.

Взгляд падает на гримерный столик, заваленный палетками с гримом, и лежащую там шкатулку из ореха. Единственную вещь, что мне позволили взять на память из квартиры бабушки. Даже альбом с нашими совместными фотографиями не отдали.

Я снова непроизвольно всхлипываю, и перед глазами встает недавняя ужасная сцена...

– *Убирайся отсюда, приживалка, – брезгливо цедит Лариса, сестра моей мамы. – Здесь нет ничего твоего, кроме рваных трусов. Пошла вон!* – и пинает бок стоящего у двери чемодана.

Она сама его и собрала. Просто вывалила из шкафа мою одежду и чуть не ногами сгребла ее в старенький чемодан, с которым я два года назад приехала к бабушке после смерти родителей.

– Тетя Лариса, ну куда я пойду? У меня в Москве никого нет, кроме вас с дядей Борей, – я чуть не плачу, не понимая, что происходит. За что со мной так человек, которого я искренне считала близким и даже любила?

– Я тебе большие не тетя! А мой муж... даже не смей смотреть в его сторону, сучка развратная. Малолетка бесстыжая! Решила, что можешь раздвинуть ноги перед чужим мужем, и тебе это сойдет с рук?

– О чем вы говорите? – я таращусь на тетку и ничего не понимаю.

– О чем говорю?! – она упирается кулаками в широкие бока. – О том, что ты под моего мужа подлегла, шлюшка! Думала, я ничего не узнаю?!

– Я... да никогда... – я даже сказать ничего не могу, так оторопела от предъявленных обвинений.

– «Никогда-а», – кривляясь, передразнивает тетка. – Пошла вон! Это квартира моей матери, после ее смерти я наследница. А ты иди в других местах подстилкой работать.

От дверей слышатся смешки: из соседней комнаты выглядывают Лика и Мика, дочери-близняшки Ларисы. Мои двоюродные сестры.

Заметив, что я смотрю на них, Мика довольно улыбается, и Лика принимается корчить мне рожи. Две зловредных мартышки, с которыми я никак не могу найти общий язык. Неужели это они что-то надули матери в уши про меня и своего отца?

– Тетя Лариса, – я снова пытаюсь воззвать к ее разуму. – У меня никогда и ничего не было...

– Заткнись и топай к двери, – перебивает меня тетка и толкает в плечо. – Шагай.

– Можно я хоть что-то возьму на память о бабушке? – прошу ее. С тоской обвожу взглядом полки в стареньком серванте: наверняка, стоящие там вещицы скоро окажутся в антикварном магазине. А что не удастся продать, просто выкинут на помойку.

Ларису раздражала бабушкина любовь к фарфоровым статуэткам, которые та собирала всю жизнь. Нервировала бижутерия советских времен, которую бабуля упорно отказывалась выбросить, хотя все давным-давно вышло из моды. Все эти наивные, переливающиеся ярким блеском броши, кольца с крупными одиночными камнями, кулончики из недорогих сплавов с хрусталем и гигантскими цирконами.

Еще Лариса обзывала бабушку старьевщицей за то, что та не выбрасывала расшитые бисером и пайетками театральные сумочки. Наоборот, бережно перекладывала папиросной бумагой и прятала в коробки из-под обуви.

А мне нравились все эти вещицы. Я любила перебирать их, рассматривать. Фантазировать, как вот с этим веером с перламутровой ручкой я танцую на балу с прекрасным мужчиной, графом или герцогом.

А с этой сумочкой в руках, одетая в длинное платье фасона «ампир», спешу в театр на премьеру новой пьесы. Или

сама выступаю на сцене, а на груди у меня вот это колечко с фальшивыми сапфирами. Частенько на спектакли в нашей студенческой театральной студии я надевала бабушкины украшения.

Увы, все это осталось в прошлом. В настоящем озлобленная сестра моей мамы выгоняет меня из дома.

– Тетя Лариса, я хочу взять что-то на память о бабушке! – произношу, твердо глядя тетке в глаза. – После этого уйду!

– Ты и так уйдешь, – она кривится. – А будешь артачиться, полицию вызову и заявлю, что ты незаконно проникла в чужую квартиру.

– Я здесь прописана. В полиции никто вас даже слушать не станет, а за ложный вызов получите штраф! – упираюсь я.

Повторяю, глядя в ее блекло-серые глаза:

– Я хочу взять что-нибудь на память о бабушке!

– Ах, ты!

Тетка хватает со стола маленькую деревянную шкатулку с отбитыми уголками. Откидывает крышку, брезгливо рассматривает содержимое и сует мне:

– На! Забирай, все равно мне не нужно это барахло. Все, пошла вон!

Я беру из ее рук шкатулку, кладу в карман. Подхватываю чемодан и, не глядя ни на кого, иду на выход...

Опять всхлипываю, сдвигаю в сторону палетки с гримом и

открываю шкатулку. На побитом молюю черном бархате лежит колечко с тонким ободком, украшенным голубым камнем в виде сердечка. Дешевенькая безделушка, которых полно в каждом магазине бижутерии. Вынимаю колечко и рассматриваю: не помню, чтобы когда-то видела его у бабушки. Наверное, она приобрела его перед самой смертью и не успела мне показать.

– Вяземская! Две минуты! – рывкает из коридора Владик. Я вздрагиваю от неожиданности, рука дергается, кольцо скользит и оказывается на безымянном пальце. Укол боли, словно что-то царапнуло кожу, и на миг у меня темнеет в глазах. Стою, моргаю, пытаюсь вернуть зрение...

– Быстро, Вяземская! Шнелен! Бегом! Сцена ждать не будет! – голос Владика все ближе и громче.

Иду к двери, но в последний момент оглядываюсь на зеркало и едва не ахаю: из стеклянной глубины на меня смотрит мужское лицо. Некрасивое, с резкими чертами и жесткими внимательными глазами. Мужчина рассматривает меня и, как мне кажется, зло усмехается.

– Вяземская! – новый вопль Владика. Я ошалело моргаю, а когда снова смотрю в зеркало, вижу только свою растерянную физиономию. Надо же, что только не померещится с расстройства.

– Да где ты там?! – в дверях вырастает разозленный режиссер. – Тридцать секунд!

– Иду! – вылетаю из гримерки и бегу к сцене, мгновенно

забыв о своих странных галлюцинациях.

Глава 2. Свадьба – это когда по разные стороны стола собираются две группировки. Мафия жениха и мафия невесты

Мир Земля. Аделаида Вяземская

– Давай, Вяземская, шевели булками, Офелия недоделанная. Почему тебя на сцену затаскивать требуется?! – шипит Владик, подталкивая меня в спину.

– Потому что в таком спектакле на сцену даже выходить не хочется, – бурчу себе под нос. – Станиславский недоделанный. Изуродовал пьесу до неузнаваемости.

– Что ты там бухтишь, звездуля? – взвизгивает Владик. Видимо, услышал все-таки. – Да если бы не крайние обстоятельства, думаешь, доверил бы тебе главную роль?!

«Если бы Марьяша не заболела и не уговорила заменить ее в этом отстое, ноги моей здесь не было бы», – это я говорю уже про себя, чтобы Владик не слышал. Мне-то без разницы его недовольство, а Марье он потом весь мозг съест.

– И давай, Вяземская, напрягись. Побольше экспромтов, побольше! Без этих твоих упоров в классический текст. У нас авангардистский спектакль! – свистит мне в ухо Владик,

когда я уже одной ногой на сцене.

– Пошла! Импровизируй, драконы тебя заберут! – с силой толкает меня в спину, и я вылетаю на сцену, с трудом удержавшись на ногах.

На миг слепну от слишком яркого света софитов, а затем вокруг становится темно и почему-то очень холодно. Порыв стылого ветра ударяет в лицо, обжигает, и я слышу, как из темноты раздается:

– Она здесь, мой лорд.

– Подведите ее ко мне, – хрипит задыхающийся мужской голос. – Быстрее!

Меня с двух сторон подхватывают под руки и куда-то торопливо ведут, все также в полной темноте.

Послушно переставляю ноги, а в голове вертится, что совсем заимпровизировался этот дурковатый Владик. На последнем прогоне пьесы ничего такого не было. Был почти Гамлет, просто в дурацком антураже.

Видимо, в ночь перед спектаклем нашему гению окончательно моча в голову ударила, и он переделал сценарий. Только меня предупредить забыл!

Ладно, хочешь импровизацию – ты ее получишь...

– Кто здесь? Где он, моя любовь?! – восклицаю трагическим голосом в темноту.

На самом деле, я даже не понимаю, где зрительские ряды. Голова странно тяжелая, а уши слышат звуки, которых здесь не должно быть: шорохи под ногами, треск, словно где-то го-

рят факелы. Еще запахи – сырости и какой-то тухлятины...

От держащих меня под руки мужчин тоже пахнет странно: лошадиным навозом, сыромятной кожей и давно невымытым телом. Что за актеров нанимает Владик для своих «шедевров», что они мылом пользоваться не умеют?

– Где мой возлюбленный?! Что вы молчите, жестокие тираны?! – снова выкрикиваю с пафосом, потому что отвечать мне никто не собирается. Онемели всем актерским составом?

Пытаюсь остановиться, но меня грубо дергают, заставляя двигаться вперед.

– Куда ведете вы меня, о, изверги! – теперь я уже откровенно ору, потому что сквозь туман в голове начинает пробиваться паника. Что происходит?

В этот момент мы останавливаемся. В голове у меня становится почти ясно, глаза тоже начинают видеть, потому что медленно загорается свет. Правда, какой-то тусклый и мерцающий, словно... точно, свет от факелов!

Кручу головой по сторонам и невольно чувствую восхищение: ну, Владик, ничего себе антураж создал!

Сцена преобразилась до неузнаваемости, превратившись в мрачный не то склеп, не то ритуальный зал. Каменные стены, земляной пол. Углы помещения тонут в темноте, а в центре стоит... кровать?

Так, импровизация продолжается! Кто у нас там может лежать в соответствии с режиссерским замыслом? Полоний,

Лаэрт или вообще бедный Йорик?

– Как твое имя, девочка? – звучит тот же задыхающийся голос, что я уже слышала.

Хочу сказать, что Офелия, но неожиданно для себя про-
изношу:

– Аделаида! Звезда Аделаида... но ты можешь звать меня
Офелией.

Сиплый смех, перешедший в надрывный кашель, и голос
хрипло командует:

– Подойди.

Стою, отчего-то не решаясь сдвинуться с места, пока ме-
ня опять не толкают в спину. По инерции делаю несколько
шагов и вдруг спотыкаюсь. Лечу лицом вперед и падаю ров-
но у изголовья кровати.

Шиплю от боли в отбитых коленях, поднимаю голову
и встречаюсь глазами с лежащим на кровати мужчиной.
Вскрикиваю от ужаса, потому что это не актер. Это тот... тот
мужчина из зеркала!

Дикими глазами оглядываюсь вокруг себя и понимаю, что
мы не на сцене! Эта комната – не декорации! Она настоящая,
а лежащий на кровати мужчина собирается что-то сделать со
мной!

Кричу и пытаюсь отползти от кровати, но за спиной у ме-
ня вырастает темная фигура. Плечи больно сжимают грубые
руки, не давая мне сдвинуться.

– Алтарь! Живо! – хрипит мужчина на кровати.

– Руку! – переводит на меня злой взгляд, когда ему подносят круглый камень размером с волейбольный мяч. Краем помутившегося от страха сознания замечаю выгравированные на нем странные, мерцающие алым знаки.

Держащий меня мужчина наклоняется и затынутыми в перчатку пальцами сдавливает запястье.

Я снова начинаю кричать. Дергаюсь и пытаюсь вырваться руку из захвата. Пинаю держащего меня мужчину, радуясь, что на ногах не туфельки, а тяжелые солдатские ботинки – еще одна авангардная задумка Владика, за которую я сейчас благодарна.

– Да стукни ты ее! – хрипит тот, на постели, и в ту же секунду в голову мне врезается снаряд.

Ба-бах! Внутри черепа взрыв, и я очень явственно вижу летящие из моих глаз искры. Тупо рассматриваю их, удивляясь, какие они яркие. Затем резкая боль в запястье, и сквозь свое шипение и звон в ушах слышу голос мужчины из зеркала:

– Называю тебя, Аделаида Звезда, своей женой. Отныне ты Аделаида эр Счастхар... и после моей смерти ты... – мужчина страшно закашливается и замолкает.

Кто-то тревожно восклицает:

– Скорее, мой лорд! Призывайте клятву, пока не испарилась ее кровь...

Голоса сливаются в невнятное бормотание. Звон в голове усиливается, превращаясь в набат. Искры перед глазами со-

бираются в пламя, и сквозь творящийся кошмар прорывается восклицание:

– Успел!

Другой голос после паузы добавляет:

– И помер!

Меня подцепляют за подмышки, тянут вверх:

– Вставайте, мадам, и надевайте вдовьи одежды – ваш муж умер.

Глава 3. Жизнь – большая ловушка, состоящая из мелких. Если прислушаться, можно услышать, как они щелкают, захлопываясь

Генерал Ардар эр Драгхар

– Ну что? Что сказал наш прекрасный король Пакрисяй? Как отреагировал, узнав, что ты не женишься на его доченьке? – Седрик растягивает в ухмылке широкий рот, но в черных глазах мелькает тщательно скрываемое беспокойство.

Соскакивает с подоконника, где сидел, дожидаясь, пока я выйду из аудиенц-зала. Чуть не вприпрыжку бежит за мной, заглядывая то в мое лицо, то в декольте придворных дам, приседающих передо мною в реверансах.

– Я не сказал ему, что не женюсь. Я сообщил, что возникли трудности.

– Не придирайся к словам, мой славный генерал. Я сгораю от волнения. Рассказывай, умоляю! – Седрик картинно прикладывает руку к сердцу.

– Тебе дословно или достаточно передать общий смысл?

– Думаю, второе. Все равно, с твоей способностью мгно-

венно забывать несущественное, дословно ты ничего не воспроизведешь. Только все перевернешь и запутаешь меня.

– Когда такое было, чтобы я забывал? Приведи пример.

– Да, пожалуйста! С тобой только что поздоровалась графиня Лупская. Готов спорить на новенькую сбрую своего коня, что ты даже ее лицо не вспомнил, не то что имя!

– Это ты про блондинку в голубом, которая только что прошла мимо?

– Неужели ты ее заметил? – Седрик закатывает глаза к лепному потолку коридора. – Чудо!

– Заметил. Только зачем мне ее имя или лицо? – пожимаю плечами. – Мне достаточно помнить, что у нее кривые ноги и вялая грудь, чтобы больше не отвечать на ее приветствия. Еще у нее муж, равнодушный к похождениям жены, и она жеманно хихикает, когда ставишь ее в новую позу. Так что я прекрасно помню все, что мне нужно.

– Вялая грудь... – с сожалением тянет Седрик, глядя вслед вышеупомянутой даме. – Какое разочарование! А посмотришь на ее декольте и кажется – ого, какие арбузики! Крепенькие, крупненькие... как они это делают, а? Так ловко вводят в заблуждение... – оруженосец надолго замолкает. Видимо, пытается осознать размеры женского коварства в общем, и графини Лупской в частности.

Пользуясь передышкой в его болтовне, обдумываю, с чего начать поиски этой самой Аделаиды. Ну что за имя?! Я бы так и домашнюю виверну не назвал, а тут женщина...

Наверняка, убогая, которую Люстин эр Счастхар подобрал в какой-нибудь Прорвой забытой глуши. Не помню, чтобы у него хоть раз в любовницах были нормальные женщины. Главное, где ее сейчас искать, эту... тьфу, Аделаиду?

– Так что сказал наш прекрасный Пакрисий? И какие выводы ты сделал из вашей беседы? – Седрик, похоже, пережил свое разочарование в женщинах и снова готов совать свой лисий нос во все щели.

– Давай, я перескажу дословно? А ты сам сделаешь нужные выводы?

Сворачиваю в коридор, ведущий в малое крыло замка, где всегда размещаюсь, когда живу в столице. Седрик, пропустивший этот момент, успевает уйти метров на тридцать вперед. Лишь за следующим поворотом обнаружив, что рядом с ним никого, спохватывается и догоняет меня.

– Так вот, – говорю, чуть усмехаясь на его обиженно выпяченную губу, – королем сказано было следующее: «Я услышал тебя, эр Драгхар. Но это не значит, что понял и принял твой поступок».

– Ну, это ожидаемо. Его любимые слова, – Седрик глубококомысленно кивает. – Что дальше?

– Дальше мой ответ: «Я понимаю, мой король», – и легкий наклон головы, обозначающий положенную почтительность.

– Красавчик! Не зря я старался! Все-таки научил тебя правильные чувства демонстрировать! – восхищается Седрик. – А дальше?

– А дальше все, что ты вчера предполагал. Обещание отобрать мои земли, дома и деньги. Запереть Оливию в монастыре...

– Я же говорил, что он протянет руки к нашему нежно-му цветочку! – возмущенно перебивает меня Седрик. – Ну а потом?

– Потом, у меня есть три месяца, чтобы найти эту бабу и развестись с ней...

– А развестись с ней невозможно, потому что брак магический! – перебивает меня гнусавый голос. Из-за колонны выступает высокая, тощая фигура, облаченная во все черное. Первый советник Его Величества, барон Маскис Пренчир.

– Ты что-то хотел, Пренчир? Или просто вылез мне под ноги из подвала, где общался со своими хвостатыми, пищащими, вонючими родственниками? – спрашиваю, на миг приостановившись.

– Хотел сказать, что лучше для тебя сразу отказаться от брака с Анастеей! – советник оскаливается в подобии улыбки, становясь еще больше похожим на крысу. – Она не для тебя, генерал Чудовище!

– Все сказал?! – спрашиваю, глядя в его отвратительные глаза: один огромный, навывкате, голубого цвета, второй черный, похожий на сушеный чернослив. Так причудливо в нем соединилась темная магия матери и воздушная – отца.

– Не все. Обещаю, что за это я уговорю Его Величество не трогать твою сестру. И даже оставить ей домик где-нибудь

в глуши, чтобы она там жила, пока ты будешь подыхать на границе с Прорвой.

Поднимаю руку и тяну к горлу советника. Он бледнеет, пытается отступить, но натывается на успевшего зайти ему за спину Седрика.

– Ты не посмеешь! – вскрикивает Пренчир, сверкая глазами. Поднимает руку, пытаясь сплести какое-то заклинание, и не успевает: моя рука уже сжимает его шею.

Медленно давлю, наблюдая, как наливается синевой его бледное лицо. Когда оно становится совсем черным, отпускаю.

Уродец падает на плиточный пол и корчится, хрипя и кашляя. Отдышавшись, кое-как встает, держась за стену, поднимает на меня ненавидящие глаза. Шипит:

– Анастезия моя! Ты все равно сдохнешь, Чудовище! Я прослежу, чтобы это произошло, будь уверен.

– Проследи лучше, чтобы поскорее заменить штаны: от них начало ужасно вонять, – хмыкаю и иду дальше.

– Э-эх, мой славный генерал! Не живется тебе спокойно! – ноет Седрик у меня за спиной, пока мы минуем один за другим коридоры дворца. – Мало у нас врагов, так ты еще Первого Советника в этот список добавил!

– Советник и не выходил из него с момента, когда король решил отдать Анастезию не ему, а мне.

Седрик не отвечает, но продолжает вздыхать и что-то бубнить себе под нос.

– Да что ты там бухтишь? – не выдержав, останавливаюсь и поворачиваюсь к нему. Оруженосец хмыкает:

– Размышляю, мой генерал. Вся голову сломал, гадая, почему наш добрый король не выполнил просьбу своего любимца? Весь двор знает, что Пренчир давно облизывается на сладкие булочки твоей невесты. Точно известно, что он не раз просил Его Величество отдать девушку в жены ему, а не тебе, Чудовище эр Драгхар.

Но ее впихивают тебе, да еще так настойчиво. Чувствую, ждут тебя в браке с ней неприятности! Может, ну ее, в Прорву, эту дочку короля? Съездим, посмотрим на ту Аделаиду: вдруг она тебе приглянется. А королю скажем, что не получилось развестись...

– Мне приглянется подстилка Люстина эр Счастхара? Ты сам-то веришь в то, что болтаешь? – рывкаю я.

Седрик тяжело вздыхает и чешет в затылке.:

– Слушай, Ардар, а вдруг она милая девушка? Бывают ведь чудеса на этом свете? Я вот в них верю...

– Эта вера однажды погубит тебя, Седрик, – усмехаюсь и толкаю дверь в свои покои. – Хватит болтать. Надо пообедать, а то живот уже к позвоночнику прилип. Да хорошенько подумать, где искать эту фуллову бабу, что навесил на меня поганец Люстин.

Глава 4. Какое у Вас красивое имя!

Аделаида

– Мадам... мадам! – зовет меня тоненький голосок. Я с трудом разлепляю веки и ойкаю: надо мной склонилось черное, словно у трубочиста, лицо.

Сверкают белоснежные, в два ряда, остренькие зубки, и голосок снова пищит:

– Мадам! Вы проснулись?

Я сажусь, опираюсь на спинку кровати и принимаюсь разглядывать диковинное существо.

Оно... в общем, черненькое. Полностью, от макушки до обутых в тряпичные тапочки ступней. Похоже на человека, да... две руки. Ноги тоже две, но...

– Ты кто? – спрашиваю осторожно.

– Тинка, ваша служанка.

Ага, значит, это девочка. Я продолжаю рассматривать долговязую фигуру с двумя парами... хм, локтей на длинных и тонких верхних конечностях. Ноги, к счастью, у существа обычные одноколенные, хотя тоже чрезвычайно длинные и тонкие.

Еще у этого создания круглое лицо, короткие курчавые волосы и длинный, печальный нос. Про рот с двумя рядами верхних и двумя рядами нижних зубов я уже говорила, кажется...

Зато глаза: просто, вау! Огромные, с ярко-фиолетовой радужкой и длиннющими ресницами. Вполне человеческие глаза, не считая цвета.

Одето существо в серенькую до колен и без рукавов тунику, перепоясанную почему-то скрученной толстой веревкой.

– Ты кто? – снова спрашиваю я.

– Тинка, ваша служанка, – удивительное создание складывает на груди двухлоктевые ручки. Переплетает очень длинные, тонкие пальцы и начинает улыбаться еще шире и радостнее. Ох, мать честная, кажется, у нее там и третий ряд зубов имеется!

– Тинка и служанка, это я поняла. Я имею в виду, кто ты по... расе, или... национальности? – я даже не знаю, как сформулировать вопрос. – Ты же не человек?

– Нет, мадам, что вы, что вы! Я же тинка!

– Тинка? Что это?

– Вы разве не знаете, мадам? – удивляется существо. – Тинки. **Замковые**...

– Я не местная, – пришлось признаваться. – Что значит «**замковые**»?

Девочка хлопает себя по лбу черной лапкой.

– Ох, бестолковая я! Забыла, что вы к нам порталом пришли, мадам. Тинки – это слуги в замке господина, а теперь вашем. Сущность такая. Всю работу делаем: еду готовим, убираем, стираем, камин чистим. А я вашей личной служанкой назначена, – девочка горделиво выпрямляется.

«Порталом, значит, прибыла... а замок был господина, но теперь мой...» —прикрываю глаза, вспоминая, что со мной случилось, когда я вышла на сцену в дурацком спектакле Владика...

... Ослепительная вспышка, потом темнота. Тяжесть и мусть в голове. Какое-то подземелье с факелами на стенах и земляным полом. Кровать в центре, на ней мужчина из зеркала. Шар с алыми знаками...

Затем удар по голове, после которого я окончательно перестаю соображать... боль в руке, невнятное бормотание мужских голосов. После мне говорят, что я теперь вдова, и велют надевать траурное платье...

Открываю глаза и начинаю оглядываться. Сейчас я в спальне. Большая, светлая комната с кроватью в центре. Стены затянуты нежно-голубой, расшитой мелким цветочками тканью. На полу ковер в тон стенам, по виду шелковый. Кремового цвета изящная мебель: парочка стульев возле кровати, кресло рядом с облицованным плиткой камином. У стены полукруглый консольные столик с массивной вазой на столешнице.

Из закрытых легкими занавесками высоких окон с улицы льется сочное, яркое солнце. По каменным плитам пола и ковру весело, словно играя в догонялки, прыгают его золотые лучи. Кровать, на которой я лежу, широкая, комфортная, застелена пахнущим вербеной шелковым бельем.

Неплохая комнатка. Только я совершенно не помню, как

здесь очутилась. И сколько я спала, интересно?

Снова перевожу взгляд на преданно глядящее на меня черненькое создание.

– Значит, ты тинка, и ты замковая. Имя у тебя есть?

– Да. Тинка.

– Подожди, ты сказала, что тинки – это существа, которые работают в замке.

– Да.

– А имя? Лично тебя как зовут?

– Тинка.

– Нет, так дело не пойдет, – я с досадой выдыхаю. – Это не имя, это... национальность. Сколько вас работает в замке?

Волшебное создание поднимает глаза к потолку и принимается молча шевелить губами. Потом уверенно заявляет:

– Сорок семь.

– Ну вот! И как вас различают? Как понять, какой тинка делает ту или иную работу? Например, как разобраться, кто стрижет кусты в парке? – надеюсь, тут есть парк.

– Так это просто! Кусты стрижет тинка, который стрижет кусты.

– Железная логика. А суп варит тинка, которая варит суп, да?

– Да! Мадам такая умная! – восхищается девочка.

– А ты тинка, которая служит мадам? – я продолжаю доставать неземное создание.

– Да, господин Варбрель назначил меня тинкой мадам, –

девочка снова сияет радостной улыбкой.

– Кто такой господин Варбрель?

– Это я, – звучит от двери тяжелый мужской голос, и в комнату без стука заходит огромного роста, широкоплечий, затянутый в кожаные доспехи, мужчина.

– Брысь, – цыкает он на черненькую тинку и, тяжело ступая, идет к моей кровати.

Глава 5. Клятвы...

Клятвочки... Клятвушки...

Тинка тоненько взвизгивает. Бледнеет, если так можно сказать про абсолютно черное существо, и начинает быстро пятиться к двери. Я не успеваю и глазом моргнуть, как девочку сдувает из комнаты.

Проводив ее взглядом, мужчина поворачивается ко мне. Кладет ладонь на рукоять длинного меча у себя на боку и медленным движением вынимает его из ножен. Держа оружие в руке, неспешно идет ко мне.

Я впиваюсь побелевшими пальцами в край одеяла и зазмуриваюсь: «Ну, все, Аделаида, закатилась твоя звезда. Сейчас тебя будут убивать...»

Но, подойдя к кровати, мужчина останавливается. Двумя руками берет меч за лезвие и вдруг опускается перед кроватью на одно колено. Склоняет голову и протягивает руки с мечом ко мне.

Четко выговаривая каждое слово, произносит:

– Аделаида Счастхар, я Варбрель, твой слуга... Ты можешь отдавать мне любые приказы, и я их исполню. Можешь отрубить мне голову, и я буду счастлив. Можешь пронзить этим мечом мое сердце, и это будет правильно, если таково твое желание. Мой меч – твой меч. Моя жизнь – твоя жизнь.

Клянусь!

Повисает пауза. Я таращусь на мужчину, не понимая, что происходит, а он явно чего-то ждет от меня.

– А... можно я не буду ничего... пронзать? – мямлю я, наконец. Натягиваю повыше одеяло и с опаской смотрю на меч мужчины, все еще протянутый в мою сторону. Не нравится мне все это: и меч страшный, и мужчина выглядит опасным. И клятвы он раздает подозрительные.

Я перевожу взгляд на его лицо. Да, и лицо у него тоже подозрительное. Совершенно бесстрастное, словно каменное. Хотя, если присмотреться, черты у него красивые: тонкий, благородный нос с легкой горбинкой, узкие губы хорошей формы. Еще у мужчины широкие прямые плечи и мощная грудь, затянутая в украшенные серебряной чеканкой доспехи.

Да, привлекательный экземпляр. Но почему-то от него хочется поскорее отвести взгляд. Лучше, вообще, убежать.

Понять бы еще, кто он такой и что ему нужно от меня. А главное, что со мной произошло, и куда я попала?

– Воля госпожи – закон, – произносит мужчина, продолжая стоять на колене и протягивая мне свой меч.

Время идет, я молча смотрю на него, он все так же стоит, вытянув руки и склонив голову.

Интересно, чего он ждет? Может, мне нужно что-то сказать? Например, что я верю его обещанию и беру в свои вассалы? Потом потрогать его меч, как это делали короли в

средневековье, принимая клятвы от рыцарей. Надо попробовать...

Сажусь на кровати поудобнее, тянусь к мечу, собираясь прикоснуться и сказать что-нибудь торжественное, в духе пьес про рыцарей. Но тут мою ладонь пронзает болью, словно цапнуло кусачее насекомое. Я дергаю руку к себе, и боль мгновенно исчезает.

Что такое?! Трясу кистью, осматриваю ее – вроде бы все в порядке, на коже никаких ран. Снова тянусь к мечу, но руку опять обжигает болью. Да такой острой, что я даже вскрикиваю.

Мужчина поднимает голову и упирается в меня черными глазами. Станные они у него. Сам он блондин, очень светлый, а глаза черные и какие-то... сморщенные, словно два сушеных чернослива. Ужасные глаза...

– Э-э-э, господин Варбрель, – начинаю я, баюкая руку, в которой продолжает пульсировать боль. – Простите, я не могу принять вашу клятву, потому что не знаю, чем мне это грозит. Но, уверена, мы с вами станем добрыми приятелями и без всяких обещаний с вашей стороны.

Мужчина медленно поднимается с колена, и его бесстрастное лицо искажается странной гримасой. Словно кто-то раз, и поменял красивое лицо на другое, злое и уродливое. Всего на мгновение, и тут же вернул маску спокойствия на место.

Варбрель медленным движением вкладывает свой меч в

ножны и произносит тяжелым голосом:

– Вы пожалеете, что не приняли мою клятву, Аделаида Счастхар. – поворачивается и идет к двери.

– Пойдите, Варбрель! – зову я. – Как я здесь очутилась? Для чего?! И почему вы называете меня... как там... Счастхар?!

Ответом мне служит звук закрывшейся двери и удаляющиеся гулкие шаги. Ну вот, поговорили, называется. Может, зря я не потрогала его меч?

Перевожу взгляд на свою ладонь, пульсация в которой начала утихать одновременно с хлопком закрывшейся двери. Внимательно ее рассматриваю и не вижу ничего необычного. Никаких ран или следов от укусов насекомых. Никаких порезов, могущих вызвать болезненные ощущения. Странное дело.

Кручу бабушкино колечко на безымянном пальце и решаю снять его – в этом пальце боль была самой сильной. Может, от кольца у меня появилась аллергия? Все-таки это дешевый сплав с непонятно какими добавками, кто знает, какую реакцию он может вызвать.

Тяну серебристый ободок с пальца, но он и не думает сдвинуться. Снова тяну, и опять безрезультатно! Колечко свободно крутится на пальце, но сниматься отказывается наотрез – стоит потянуть его, чтобы снять, и кольцо намертво приклеивается к коже.

Уже и ногтями пытаюсь подцепить, и зубами тяну – ре-

зультата ноль! Кольцо как будто сопротивляется моим усилиям. Мистика какая-то... Устало опускаю руки и прикрываю глаза – надо успокоиться. Сейчас я передохну и придумаю, как мне его снять.

Раздавшийся справа от кровати шорох заставляет меня распахнуть глаза. Настороженно оглядываю комнату: кроме меня, никого нет. Однако шорох повторяется, и теперь я засекаю источник звука – консольный столик на гнутых ножках, стоящий у стены. Пока я смотрю на него, кусок боковой поверхности подстоля дергается и начинает сам по себе медленно выдвигаться вперед. На пять сантиметров, на десять, и тут...

Из образовавшейся темной щели на меня смотрят два глаза. Больших, красивых, фиолетового цвета. Обрамляющие их длинные ресницы хлопнают раз, другой, и тонкий голосок шепчет:

– Мадам одна? Господин Варбрель ушел?

Ошарашенная, я с трудом киваю – что-то сказать у меня просто не получается. После моего кивка фиолетовые глаза начинают радостно сиять, панель еще чуть-чуть выдвигается вперед, и из щели лезет... Сначала, вытянувшись и сплюсцившись, вылезает черненькая курчавая голова. Затем тонкая рука с двумя локотками. Следом вторая ручка. Потом туловище в серенькой тунике...

Пока я хлопаю глазами, из ящика на пол вытекает вся целиком моя тинка. Встает на тоненькие ножки в тряпичных

тапочках и как ни в чем не бывало пищит:

– Тинка, которая готовит мадам обед, спрашивает, можно ли подавать мадам обед?

Я открываю рот и... начинаю ругаться. Матом! Вообще, я не матерюсь. Вот совсем – не приучена, да и не умею. Думала, что не умею. Но сейчас эти некрасивые слова сами льются из меня. Много и разные. На букву «б» и на букву «п». А уж на ту самую «х» я выдаю не меньше пяти штук, в таком шоке от увиденного нахожусь...

Все это время тинка внимательно меня слушает, и с каждым моим словом в глазах у нее все сильнее разгорается восторг. Когда я замолкаю, девочка складывает ручки на груди и с придыханием спрашивает:

– Это магические заклинания из мира мадам, да? Такие красивые слова! Мадам расскажет, что это за колдовство? Защитное, сотворяющее, смертоносное, оживляющее? А может, порталная магия? Или магия призыва?

– Все сразу... – кое-как выдавливаю из себя. – И сотворяющее, и оживляющее, и порталное: так послать можно, что потом с собаками не найдут. Ну, и защитное, при необходимости...

Я замолкаю, переводя взгляд то на тинку, то на узенькое подстолье консоли, пытаюсь сопоставить их размеры.

– Почему ты оттуда вылезла?.. Ты же в дверь вышла. Как, вообще, ты там поместилась?! – я тыкаю пальцем в консоль, где боковая панель уже задвинулась, и столик стоит как ни в

чем не бывало. Словно это не из него сейчас вылезла целая тинка!

– Тинки всегда выходят через дверь, а заходят, как получится, – лучась счастьем, отвечает волшебное существо.

– А... а через дверь вы не заходите?

Черненькое существо отрицательно мотает головой.

– Тинки не могут заходить через дверь. Только выходить.

– Не получается? – оторопело интересуюсь я.

– Не положено, – она огорченно вздыхает.

– А-а-а! – тяну я многозначительно, словно мне сразу все стало понятно.

Ну, не положено и все, что такого-то? У нас, вон, нельзя на красный свет дорогу переходить и пальцы в розетку совать. У них заходить в двери не разрешается. В каждой избушке свои погремушки, как говорится.

– Тинка, которая готовит для мадам обед, спрашивает, можно ли подавать мадам обед? – повторяет девочка свой вопрос.

– Подавайте, – вздыхаю я. – Раз завтрак пропустила, нужно пообедать. И вообще, пора вставать и разбираться, куда и зачем меня занесло. И кто со мной это сделал.

Тинка лучезарно улыбается и идет было к двери. Но в какой-то момент останавливается и, глядя на меня бесхитростными глазами, пищит:

– Мадам хорошо сделала, что не приняла клятву господина Варбреля. Она убила бы мадам...

Глава 6. Выход – это тот же вход, если идти наоборот

– Что?! – ахаю я. – Как... как убила?! С чего ты это взяла?

– Я слышала, как другие тинки об этом говорили.

– Ты обманываешь меня? Или специально пугаешь?

– Что вы, мадам! – тинка удивленно хлопает ресницами. –

Тинка мадам не может обманывать мадам. Пугать тоже не может.

– А ну-ка, рассказывай! – требую я.

Тинка переступает тонкими ножками, сжимает пальчики в кулачки и начинает торопливо бормотать:

– Я еще маленькая была и плохо помню, как умерла предыдущая мадам. Но другие тинки об этом много говорили, а я слушала. Они говорили, что предыдущая мадам приняла клятву господина Варбреля и скоро умерла.

– Как скоро? – я сглатываю сухой комок в горле.

– Совсем скоро. Месяц или немного больше. Магию смерти трудно пережить.

Я снова закрываю глаза: не хочу здесь оставаться! Верните меня обратно!

– А до этого умерла самая первая мадам, очень давно, я только родилась, – продолжает «добивать» меня девочка. – Но вы не умрете, и тинка очень рада этому!

Девочка снова умильно на меня смотрит и, пока я прихожу в себя, исчезает за дверью. Я сползаю головой на подушку и лежу, таращась в покрытый лепниной потолок. Вот это я попала! В замок Синей Бороды, похоже – две мадам до меня померли, если тинка не сочиняет.

Зажмуриваюсь, в дурацкой надежде, что когда открою глаза, то увижу свою гримерку или сцену, на которой должна играть Офелию. Вдруг все это мои галлюцинации? Хотя откуда бы им взяться? Как сказала тинка, я пришла к ним порталом. Значит, все это реальность...

– Тук-тук, мадам. Обед пожаловал! – звучит женский голос, и дверь комнаты распахивается.

На пороге стоит дородная женщина с подносом в руках.

– Я могу зайти, мадам?

– Да... заходите, пожалуйста, – я сажусь и смотрю на женщину.

Обычную женщину средних лет. С обычными, однолоктевыми руками и полненькими ногами. Носом-пуговкой на круглом румянном лице и широко улыбающимся ртом с нормальным количеством зубов!

– Вы человек? – спрашиваю осторожно, пока она идет к кровати.

– Да, мадам, – женщина кивает, аккуратно устраивая передо мной поднос на ножках, заставленный тарелками.

– Приятного аппетита, мадам, – желает мне и поворачивается к выходу.

– Постоите! Я думала, в замке только тинки служат... – останавливаю я женщину.

– Люди тоже есть, надо ведь, кому-то еду разносить по комнатам. Или вдруг еще что занести потребуется: мебель там, или ковер какой. Грязное белье в прачечную доставить, продукты на кухню. Тинки ведь не могут войти через дверь...

– Да, это большое неудобство, – соглашаюсь.

Женщина добродушно улыбается и теребит конец веревки, подпоясывающий ее тунику. Туника у нее не серая, как у тинки, а синяя, но веревка по виду такая же. Тут еще не придумали нормальные пояса и ремни?

– Как вас зовут? Вы всегда будете приносить мне еду?

– Меня зовут Маана, мадам. Я буду приносить вам только обеды. На завтрак и ужин вы будете выходить в столовую, так господин Варбрель распорядился, – охотно отвечает женщина.

– Расскажите, кто он, этот Варбрель?

Маана на мой вопрос бледнеет, опускает глаза и, пробормотав: «Простите, мадам, меня будут ругать, если я задержусь у вас», – выскакивает из комнаты.

Я провожаю ее взглядом и задумываюсь: «Похоже, его все тут боятся, этого типа с мечом, клятвами и неприятными глазами. Надо выяснить про него побольше и держать с ним ухо остро. И срочно разобраться, с какой целью я здесь очутилась – пришла порталом, как сказала тинка».

Пока я размышляю, незаметно съедаю почти всю еду с тарелок: похожую на кукурузную кашу с какими-то кисло-сладкими ягодами, нарезку из нескольких видов сладковатых сыров. Еще съедаю чашку йогурта, тоже сладкого. Пирожок с начинкой из ягод запиваю сладким напитком, по вкусу что-то среднее между цикорием и какао. Вкусный обед, хотя больше похож на завтрак, на мой взгляд. И очень сладкий – надо будет попросить у тинки, которая «готовит обед мадам» класть в еду поменьше сахара.

У окна раздается шуршание и из-за шторы вытекает моя тинка. Надо бы ей имя дать, а то ерунда какая-то: «тинка, которая служит мадам»!

– Мадам желает принять ванну? – девочка забирает у меня поднос с пустыми тарелками и ставит на злополучную консоль, так перепугавшую меня недавно.

– Ванну желаю, – соглашаюсь я и поднимаюсь с кровати. – Еще в туалет бы сходить. Куда идти?

– Сюда, мадам, – тинка толкает неприметную дверь в стене. Спокойно проходит в образовавшийся проем и оттуда пищит:

– Одну минуту, мадам. Я открою воду в ванне и вернусь помочь вам снять ночную сорочку.

Интересно, а кто помог мне ее надеть, эту сорочку, пока я была без сознания?

– Давайте, мадам, помогу вам раздеться, – девочка снова появляется в спальне и тянется к моему бело-розовому оде-

янию до пят.

– Подожди, милая, – останавливаю ее. – Ты ведь сейчас зашла в спальню. А перед этим зашла в ванную! Что же ты говоришь, что тинки не могут этого делать?

Девочка распахивает на меня фиолетовые глазищи и изумлено произносит:

– Что вы, мадам! Я не зашла в спальню – я вышла из ванной.

– А-а-а! – тяну я с умным видом. – Тогда, конечно, понятно! Выйти из ванной в спальню, это совсем не то же самое, что зайти в спальню из ванной. Это совсем-совсем другое!

– Мадам такая умная! – совершенно искренне восхищается девочка и чуть в ладоши не хлопает от радости.

Так, надо срочно помыться, одеться и отправляться на разведку: разбираться с местными реалиями, где с «зайти» и «выйти» какая-то белиберда происходит, и все носят толстые веревки на поясе. А еще мадамы регулярно помирают.

Только сначала дам тинке имя.

– Послушай, как тебя мама в детстве называла? – обращаюсь я к девочке. – У тебя ведь есть мама?

Сверкают белоснежные многорядные зубки:

– Конечно, мадам, у меня очень добрая и красивая мама. Это она готовит вам обед. Вкусно ведь было?

Я киваю, что да, вкусно. И очень сладко...

– Мама звала меня «тинка – бусинка», – произносит девочка счастливым голоском.

Бусинка? Ну, нет, у нас так комнатных собачек называют.

– Послушай, я хочу дать тебе имя. Твое собственное, личное имя. Поняла? Тебя будут звать...

Я внимательно рассматриваю ее. Черненькая, круглолицая, тоненькая и длинненькая. Еще добрая, судя по всему, несмотря на жуткие акульки зубы.

О, акула – Акулина! Может, так назвать?

Ну, нет, буду говорить: «Акулина», и вздрагивать, вспоминая три ряда остро заточенных клыков. Не годится. У меня и так нервы натянуты до предела, не стоит добавлять себе раздражителей.

Так-с, тинка... Что в рифму идет? Тинка – Динка – Пинка – Полинка. Что еще? Тинка – резинка – картинка – корзинка – картонка – собачонка... Почти Маршак со своим детским стишком выходит. Все не то...

– Пятница! – торжественно объявляю преданно глядящей на меня девочке. – Ты будешь Пятницей.

То, что нужно! Тем более, я попала сюда аккурат в этот день недели, а девочка чем-то похожа на единственного друга Робинзона Крузо: черненькая, наивная, преданная...

– Пи-ят-ни-ссия... – по слогам выговаривает незнакомое слово тинка. – Мадам хочет дать мне имя? Пиятнися?

– Да, Пятница. Это твое личное имя, – повторяю твердо. – Я тебе его дарю.

Некоторое время новоокрещенная Пятница стоит, хлопая на меня глазами. Потом вдруг закрывает лицо руками и, то-

ненько взвывая, кидается прочь из комнаты. Я остаюсь смотреть на захлопнувшуюся за ней дверь и с ужасом думаю, что сделала что-то плохое.

Вдруг нельзя тинкам давать имена? Что, если это убьет девочку? Или еще какой-то вред нанесет, а я полезла со своей инициативой, куда не просят!

Ой-ой! Натворила я дел, похоже!

Ноги вдруг становятся ватными. Колени подгибаются, и я шлепаюсь попой обратно на кровать. Несколько секунд сижу, ничего не видя перед собой, потом складываюсь пополам, утыкаюсь лицом в ладони и начинаю рыдать...

Не знаю, сколько я так сижу, проливая слезы. Плачу от переживаний за тинку, которой по неведению сделала что-то плохое. От страха за себя и свое непонятное положение. От ждущей меня неизвестности, которая страшит больше самого откровенного кошмара. В общем, от всего сразу.

– Мадам, – врывается в мои всхлипы тоненький голосок.

Я вскидываю голову и таращусь на стоящую передо мной тинку. Живую, здоровую и даже улыбающуюся. Одетую, почему-то, в красную тунику. Очень мятую, пыльную и местами дырявую, словно ее погрызла моль. Но зато алую, как закат над морем!

– Ты жива! – шепчу, выпрямляясь.

– Почему мадам плачет? – пугается тинка, заметив мое мокрое лицо. Присаживается передо мной на корточки и рассматривает меня своими фиолетовыми глазищами.

– Наверное, я зря дала тебе имя, да? – вздыхаю я, вытирая слезы. – У вас это нельзя? Я сделала тебе плохо?

– Мадам сделала тинку счастливой. Пиятнися – самая счастливая тинка в замке! – девочка улыбается еще шире и вдруг гладит меня по голове.

– Точно все в порядке? – недоверчиво переспрашиваю.

– В порядке! – девочка вскакивает на ноги и начинает кружиться передо мной. – Красивое платье у Пиятниси?

– Очень! Откуда такое?

– Это платье моей бабушки. У нее тоже было имя: Верунчик, ее мадам так назвала! А теперь и у меня есть имя, поэтому я могу надеть красное платье, – девчонка вдруг шмыгает носом и падает передо мной на колени.

– Э, э, ты что?! – я хватаю ее за руки и пытаюсь поднять.

– Нет, мадам, тинка должна выразить свою благодарность! – верещит девочка, упираясь и распластываясь по полу.

– Да хватит тебе ковер протирать! Уже отблагодарила! Одно то, что ты жива и здорова, для меня счастье, Пятница! – я снова тяну ее с пола, и на этот раз она слушается. Поднимается на ноги, складывает ручки перед грудью и смотрит на меня с обожанием.

Я тоже смотрю и думаю о произошедшем. Значит, если тинке дать имя, то она может носить красное платье. Еще здесь уже была тинка с именем Верунчик... Похоже, я не первая попаданка в эти места. То есть, это была одна из двух

предыдущих мадам. Тех, что померли...

В этом месте я ежусь от пробежавшего по спине неприятного озноба, а правую ладонь опять колет болью. И не зря колет: дверь комнаты с грохотом распахивается, и на пороге вырастает фигура с мечом в руках. Варбрель!

Выглядит он кошмарно: в черных глазах вспыхивают синие-зеленые, с желтым отливом всполохи, рот безобразно кривится. По лицу пробегают злые судороги, искажая его до неузнаваемости.

Мужчина молча шагает в комнату и, глядя только на тинку, идет в нашу сторону. Пятница сдавленно ахает и начинает испуганно метаться из стороны в сторону, ища, куда бежать. Потом принимается пятиться, глядя на приближающегося мужчину, как кролик на удава.

– Э-э, господин Варбрель, что вы делаете? – я пытаюсь загородить собой перепуганную девочку.

Не отводя взгляд от тинки, мужчина протягивает ко мне затянутую в перчатку руку. Мощный толчок в грудь, и я отлетаю в сторону, врезаюсь в стену и, потеряв равновесие, падаю на пол. Сидя на полу, я держусь за ушибленное место. В ужасе смотрю, как мужская рука обхватывает тонкую черную шейку и начинает ее сжимать... Пятница судорожно дергается...

– Быстро снимай это платье, – бешено рычит мужчина.

– Нет, мадам дала мне имя! Я могу носить красное платье! – отчаянно сипит девочка.

Тонкие черные пальчики судорожно царапают по грубой коже перчатки, пытаюсь оторвать от себя мужскую руку.

«Он ее убьет!» – мелькает у меня паническая мысль. Я кое-как, держась за стенку, встаю и хриплю:

– Убери от нее руки, Варбрель! – делаю шаг в его сторону, и тут мой взгляд падает на тяжелую вазу, стоящую на консоли. Недолго думая, хватаю ее, прижимаю к груди и за спиной Варбреля карабкаюсь на кровать. Покрепче упираюсь ногами в матрас, поднимаю вазу обеими руками и с силой опускаю на мужской затылок.

«Хрусть!» звучит очень громко и страшно. Варбрель замирает. Рука, сжимавшая горло Пятницы, безвольно падает, и мужчина начинает медленно-медленно поворачиваться ко мне. Я стою, прижав к груди руки, и с ужасом гляжу на его лицо, по которому с волос стекают красные струйки.

Мужская рука снова поднимается и тянется к моему горлу.

«Вот теперь тебе точно конец, звезда Аделаида!» – приходит в голову равнодушная мысль. В следующий момент руку обжигает болью, пальцы сами по себе сжимаются в кулак, и, размахнувшись, я бью мужчину в лицо.

Удар выходит, скажем прямо, так себе, слабенький. Но эффект вызывает потрясающий: мой кулак врезается в мужскую щеку точнехонько камешком бабушкиного кольца. Царапает по коже и...

От соприкосновения с кольцом кожа на щеке Варбреля

словно взрывается. Будто по мрамору, по ней во все стороны начинают бежать толстые, извилистые трещины. Глаза Варбрея с яростью и ненавистью смотрят на меня, и я бью еще раз, теперь уже сознательно целясь в него кольцом.

– Ах ты, маленькая пришлая дрянь... – хрипит мужчина. – Ты еще пожалеешь, что сделала это. Теперь тебя ничто не спасет от чудовищ...

Черные глаза медленно закрываются, и тяжелое мужское тело обрушивается мне под ноги. Несколько раз дергается и затихает.

Разинув рот от ужаса, я смотрю, как застывает покрытое трещинами лицо, как прямо на глазах деревенеет лежащее на полу тело. Как оно вдруг начинает менять очертания, становясь все меньше и меньше, словно ссыхаясь...

Когда от огромного мужчины остается лишь нечто черное и бесформенное, размером с большую куклу, оно вдруг вспыхивает. Ярчайшее пламя заставляет нас с надсадно кашляющей тинкой отскочить в сторону и закрыть лица руками от ужасающего жара.

Еще несколько мгновений, и на том месте, где только что лежало тело Варбрея, не остается ровным счетом ни-че-го. Даже пепла.

В наступившей после этого тишине громом раздается еле слышный хрип Пятницы:

– Мадам, вы убили господина колдуна.

Глава 7. Бывает, только подумаешь «какой отвратный денек», а он становится ещё хуже

– Ик! – произношу я. И еще раз. – Ик! Почему убила?! Он же просто испарился!

Оседаю на кровать и, продолжая икать от страха, таращусь на тинку.

– Что теперь со мной будет? Меня казнят за это? В тюрьму посадят?

– Ик! – хрипло икает Пятница. Шлепается попой на ковер, прямо среди осколков вазы, разбитой об голову Варбреля, и смотрит на меня тревожными глазами.

Так, мы сидим, глядя друг на друга и икая по очереди. С перепугу я даже забываю, что хотела в туалет. Хорошо, что мой мочевой пузырь об этом помнит и отвлекает меня от пессимистичных настроений.

– Мне надо в туалет! – я сползаю с кровати и иду в сторону санузла.

– Ой, вода! – ахает Пятница. Птичкой взлетает с ковра и несется в ванную, опередив меня.

Местный храм чистоты оказывается не слишком большим помещением с облицованными светлым камнем стенами. В центре стоит громоздкая каменная ванна, вдоль стен –

несколько широких деревянных скамей, застеленных чистой тканью.

Пятница перекрывает льющуюся в ванну воду. Проверяет ее температуру и принимается задумчиво добавлять какие-то ароматные жидкости из кувшинчиков, стоящих на столике рядом.

– Мадам, забирайтесь в воду, пока не остыла. Полежите, расслабьтесь, а я тем временем приберусь в спальне. Потом вымою вас и сделаю массаж, – сипит, когда я выхожу из туалета. Да, похоже, горло ей этот урод знатно повредил.

– Пятница, что со мной будет за то, что я колдуна... того... убила? – снова спрашиваю я. От беспокойства меня все еще потряхивает: вот это я вляпалась! Только оказалась здесь и тут же убила человека!

Конечно, я защищала тинку и себя, но... кто знает, какие тут законы и правила. Да и докажи, попробуй, что это была самооборона!

Девочка выливает в воду жидкость из очередного кувшинчика и выпрямляется. Поворачивается ко мне и вдруг расплывается в широкой и довольной улыбке.

– Мадам... Какой колдун? Не было никакого колдуна! Кто видел, что он был в вашей комнате? Или, что вы что-то ему сделали? Кто?

– Но... ты, я сама...

– Я ничего не видела и ничего не знаю! – тинка вдруг становится очень серьезной. – Господин Варбрель часто исче-

зал из замка, потом возвращался. Затем снова куда-то исчезал, никто не знает куда.

– Вот и сейчас он, наверное, отправился по своим делам. Когда вернется, и вернется ли, никто не знает. Он ведь никому о своих планах не докладывает.

– Но... слуги в доме. Другие тинки...

– Мадам – хозяйка в замке. Как мадам скажет, так все и будут думать! Особенно тинки! – твердо произносит девочка.

– Ты д-думаешь? – спрашиваю неуверенно – мне все еще не по себе от произошедшего.

– Я точно знаю. Давайте помогу вам снять сорочку, мадам. Забирайтесь в воду и ни о чем не беспокойтесь: вы сделали то, что должны были сделать, и никак иначе, – очень уверенно и спокойно произносит Пятница.

Я с удивлением смотрю на нее. Сейчас девочка выглядит гораздо старше, чем полчаса назад, до того как Варбрель начал ее душить. Даже как будто ростом стала выше и приосанилась. Да и красная туника идет ей гораздо больше, чем серая... Только постирать ее надо и дырки заштопать. Еще веревку эту жуткую с талии убрать...

– Ни о чем не беспокойтесь, мадам, – повторяет Пятница и выходит из ванной.

«... сделала то, что должна была...» – лежа в горячей ароматной воде, я размышляю над словами тинки.

А ведь она права, я не могла обойтись с Варбрелем по-

другому, не могла позволить ему задушить беспомощную девочку. Повторись эта ситуация, я бы поступила точно так же: прибила гада, и никакие муки совести меня бы не потревожили.

И раз так, то нечего беспокоиться. Тем более, колдун испарился, исчез, развеялся, и предъявить мне нечего. Как говорят у нас на Земле, нет тела – нет и дела.

Поэтому сейчас я моюсь, одеваюсь и иду знакомиться с окружающей обстановкой. Коли я здесь хозяйка, то и вести себя нужно соответственно: смело и решительно, с уверенностью в своих действиях.

Забыть про колдуна и направить силы на то, чтобы разобраться, с какой целью я здесь очутилась.

Так я строю планы и набираюсь смелости, пока в ванную не возвращается Пятница и между делом не сообщает мне:

– Мадам, через неделю заканчивается срок вашего траура. К вам начнут приезжать женихи и нужно подготовиться их встречать.

Глава 8. Я придумал как уговорить овец пригласить волков на обед

В это же время. Генерал Ардар эр Драгхар

Сегодня в таверне «У дядюшки Гремуюя» не протолкнуться. Столы стоят плотнее, чем обычно, и за каждым кто-нибудь сидит. Кажется, даже на широких подоконниках и ступеньках, ведущих в винный погреб, разместились едоки с тарелками в руках.

Все разом решили отведать знаменитых пирожков с мясом и потрошками моны Эриссы?

– Господин генерал, соизвольте подождать одну минуточку, ваш столик уже готовят, – кидается ко мне с поклоном сам мон Гремуй.

В отличие от своей румяной, пышнотелой и улыбчивой супруги хозяин таверны был бледен до синевы и худ почти до состояния скелета. Длинный унылый нос и косящие глаза, вдобавок к худобе и синюшности, делали облик мужчины почти комичным и служили вечным предметом для шуток посетителей.

Эта занятная парочка, мона Эрисса и мон Гремуй Паггоди, уже лет тридцать владела таверной на перекрестке двух главных улиц столицы. Первый раз я зашел сюда еще курсантом военной академии. С тех пор, приезжая в город, почти

не изменяю этому месту, всегда радующему своим меню.

Обвожу взглядом обеденный зал: удивительно, сколько знакомых физиономий. Обычно все эти пресыщенные, надменные лица встречаются мне в коридорах королевского дворца, но не здесь.

– Отчего у тебя такой ажиотаж, Гремуй?

– Так сегодня же день Изумруда! – отвечает довольный хозяин. – Здесь собрались желающие вступить в брак с достойным вдовцом или вдовицей.

Хмурю брови: кажется, я слышал про этот день.

Раз в шесть месяцев состоятельные вдовцы и вдовы на все королевство объявляют, что ищут нового супруга. Озвучивают размер имущества и дохода, показывают свой портрет и после ждут, когда явятся желающие сочетаться с ними браком.

Что-то вроде аукциона, только наоборот: дорогая вещь сама покупает себе владельца. Хотя, чаще всего, женщин на этот «аукцион» выставляют их опекуны – отцы, дядюшки, братья – не считаясь с желанием самой вдовицы. Иметь в семье незамужнюю женщину детородного возраста считается дурным тоном.

– При чем здесь твоя таверна? – интересуюсь, по-прежнему не понимая роли Гремуйя в этом деле.

– В прошлом месяце я получил лицензию на установку у себя артефакта, передающего изображения. Теперь и я могу показывать картинки из управы по делам супружества, –

хозяин таверны с удовольствием кивает на большой прямоугольник из драконьей слюды, прикрепленный высоко на стене.

– Раньше для того, чтобы увидеть «изумрудных» нужно было идти в городскую ратушу и смотреть на крошечном экранчике с ужасным звуком. Но сегодня увидеть товар... то есть, желающих вступить в брак изумрудных вдовцов и вдовиц можно прямо за столиками моей таверны. Я счастлив, что вы тоже пришли посмотреть, генералэр Драгхар! – гордо надувает впалые щеки Гремуй.

– Я пришел поесть, а не выбирать себе лежалый, подержанный товар в жены, – рывкаю на трактирщика. – Займись лучше делом, чем болтать ерунду.

Тот испуганно втягивает голову в плечи и начинает лебезить, пытаясь погасить мой гнев:

– А вот и столик ваш готов: вымыт, застелен свежей скатертью и ждет вас, господин генерал. Ваш оруженосец тоже будет с вами?

– Да, накрывай на двоих, Седрик сейчас подойдет, – отвечаю недовольно.

Теперь уже злюсь на себя: накинулся на ни в чем не повинного трактирщика. Он не виноват, что у меня который день дурное настроение из-за этой девки Счастхара. Прошло три дня, как я узнал о ее существовании, но до сих пор не получается отыскать даже ее следа. Вот и сорвался на бедолагу Гремую.

Иду к столу, небрежно кивая в ответ на приветствия придворных короля Пакрися. Надо же, сколько их здесь собралось, не меньше четверти всего состава дворцовых лизоблюдов. И мужчин, и женщин...

Решили поправить свои дела женитьбой на богатой вдове или браком с вдовцом? Неужели перестало хватать королевских подачек?

– А вот и я, мой славный дракончик. Ты уже заказал чудесных пирожков моны Эриссы? – не успел я сесть, как напротив меня на стул плюхается Седрик.

Растягивает в улыбке губы и дурашливо трясет головой:

– Наконец, поем нормальной еды. То, что подают на дворцовых обедах, могут есть только придворные дамы и их болонки. У мужчины моего темперамента все эти паштеты, муссы и кремы вызывают изжогу и непроходящую тоску в желудке.

– Есть новости про эту... Аделаиду? – останавливаю поток жалоб оруженосца на невыносимо трудную жизнь.

– Есть. Ее нигде нет. Ни в одном замке, доме или даже захудалом сарае, принадлежащем Люстину эр Счастхару, никто не слышал про женщину по имени, ах, А-де-лаи-и-ида! – поет Седрик дурацким голосом.

Под моим тяжелым взглядом мгновенно делается серьезным. Какое-то время крепкими белыми зубами жует свою тонкую нижнюю губу и задумчиво произносит:

– Только одно место осталось, где она может прятаться.

Замок Рихнорр.

– Заколдованный замок в Проклятой Долине? Тот, что, словно дракон сокровищницу, много лет стережет маг смерти?

– Да не просто маг, а сам Варбрель! Бывший друг нашего прекрасного короля Пакрися, советник его отца, а перед этим и его деда. Плюс сильнейший темный маг королевства. Да что там, королевства, всего нашего мира, – морщится Седрик.

– Как он оказался на службе у эр Счастхара? Маги смерти всегда предпочитали оставаться независимыми.

Седрик пожимает плечами:

– Кто же его знает. Известно только, что это произошло примерно в одно время: твоя стычка с Люстином Счастхаром и ссора Варбреля с королем Пакрисием, тогда еще принцем Пакрисием.

В этот момент нам с Седриком приносят еду, и разговор на время смолкает. Пока служанка расставляет тарелки и миски, раскладывает столовые приборы и разливает по стаканам напитки, я размышляю.

Рихнорр, замороженный замок в самой загадочной долине королевства. В месте, куда, находясь в здравом уме, не сунется ни один дракон, ни один маг, и тем более, ни один оборотень или человек. Да, и про замок рассказывают истории, одну ужасней другой, хотя никто точно не знает, что в нем творится на самом деле.

Значит, в это место Счастхар запрятал девку, с которой связал меня магическим нерасторжимым браком... эту фуллону Аделаиду...

– Отправляемся туда, – произношу спокойно. Отпиваю большой глоток эля, чтобы забить появившийся на языке противный вкус. Ситуация мне совсем не нравится, и предстоящий визит в Долину тоже. Там я бывал дважды и надеялся никогда больше не возвращаться.

– У нас нет шансов вытащить ее оттуда, мой славный дракон. Даже если мы пройдем через проклятую долину, замок Рихнорр не откроет перед нами свои заколдованные двери, – вздыхает Седрик. Впивается зубами в пирожок с мясом и с блаженным видом зажмуривается.

– Вот это я понимаю, еда! – чавкает с набитым ртом.

Прожевав первый кусок и приоткрыв один глаз, возвещает:

– Да, не откроет... Если только твой бывший дружок не приготовил тебе подарочек. Ловушку, в которую попытается заманить тебя, мой славный генерал.

В этот момент взгляд Седрика упирается во что-то за моей спиной. Глаза его расширяются, а рот приоткрывается, являя моему взгляду недоеденный пирожок.

– Прожуй, не то подавишься, и опять спасай тебя, – советую ворчливо.

Седрик быстро глотает и продолжает смотреть на что-то позади меня.

– М-м-м, – мычит нечленораздельно и тычет длинным пальцем в ту сторону.

Неспешно поворачиваюсь, куда он показывает. Замечаю, что вся таверна, замерев, смотрит в ту же сторону. В почти полной тишине все глазают на новый лицензионный артефакт мона Гремюя.

– И последний номер, которым завершается тысяча шестьсот седьмой День Изумруда в истории королевства Раггерран, – несется из него гулкой, точно грохот обвала, голос каменного тролля, главы королевской управы по делам браков.

На поверхности артефакта появляется длинный перечень каких-то названий и ряды цифр.

– Номер пять. Аделаида эр Счастхар, вдова Люстина эр Счастхара. Дата наступления вдовства: восьмой день месяца Красного Клевера текущего года. Заявка на брак подана Аделаидой эр Счастхар лично.

Перевожу взгляд на Седрика, в глазах которого читается изумление.

– Это что, твой бывший дружок Люстин помер? Интересно, почему новость об этом не гремит на все королевство?

– Очевидно, кто-то придерживает ее, – цежу сквозь зубы, чувствуя, как под сердцем неожиданно отдает болью.

Значит, Люстин Счастхар мертв... Интересно, что с ним случилось? Наведенная болезнь? Ранение? Воздействие черной магии?

Ясно, что это неестественная смерть: драконы его мощи не уходят за облака такими молодыми. А его вдова тут же кинулась искать нового супруга...

– Ты смотри, и недели не прошло, как Люстин помер, а она снова замуж захотела, – бормочет Седрик, вторя моим мыслям. – Она что, не в курсе, что уже замужем за тобой, мой славный дракончик? Или все так и было задумано?

– От подстилки Счастхара ты ожидал чего-то другого? – усмехаюсь, развернувшись к артефакту, где продолжали сменять друг друга названия принадлежащих вдове поместий, замков и земель. Отдельной строкой шел перечень ее денежных доходов и описание сокровищницы эра Счастхара, теперь принадлежащей этой дряни.

– О, святое небо! – сипит кто-то с соседнего столика. – Какой лакомый кусочек. Я в деле!

– Портрет! Давай портрет этой Счастхар! – кричит кто-то задорно со ступенек винного погреба.

– Да! Картинку! – поддерживают его из другого угла. – А то вдруг она уродливей мерзкой жабы?!

– Ничего, такие богатства прикроют самое безобразное лицо и кривые ноги! За такие деньги можно потерпеть, даже если баба страшна как Прорва! – смеются в компании, сидящей прямо напротив артефакта. В ней я узнаю «цвет» королевского двора. Развратники, прохиндеи и картежники. Любимцы короля Пакрися.

– Будто кто-то из них видел Прорву в лицо. Слизня-

ки дворцовые, – зло цедит Седрик, услышавший эти слова. Сверкает на меня глазами и хлопает ладонью по столу:

– Кажется, я понял!.. Вот и твой подарочек от Счастхара, мой славный Ардар эр Драгхар. Он же и ловушка.

– Что ты имеешь в виду?

– Надо больше интересоваться светскими делами королевства, генерал Чудовище, а не только на окружающих жуть нагонять. Тогда будешь знать, что такое День Изумруда, и какие он несет за собой последствия! – цедит Седрик злое.

– Местонахождение вдовы Счастхар – замок Рихнорр в Проклятой Долине, – между тем произносит голос тролля.

На несколько секунд в таверне наступает тишина, затем кто-то обиженно восклицает:

– Ну, нет, так нечестно! Такой толстенький кошелечек, и в таком месте спрятали...

Договорить страдалец не успевает: из артефакта несется продолжение.

– Ровно через три дня от сего момента и ровно на три недели доступ к замку Рихнорр будет открыт для любого желающего туда войти.

После этих слов поднимается невообразимый шум: кто-то радостно свистит, кто-то улюлюкает. Трое придворных за столиком напротив артефакта многозначительно переглядываются, встают и торопливо идут к выходу.

– Портрет! Лицо нам ее покажи, троль! – пьяно орет кто-

то из дальнего угла.

– Пошли отсюда. Все важное мне уже известно, – поворачиваюсь к оруженосцу. Пока мы поднимаемся из-за стола, снова раздается голос тролля:

– Представляем портрет вдовицы Аделаиды эр Счастхар...

В зале наступает тишина. Глаза Седрика, глядящего на артефакт, вспыхивают странным блеском.

– Очешуешь! – бормочет он.

Поворачиваюсь, чтобы тоже взглянуть на эту Аделаиду. Но едва успеваю заметить нечто красное и размытое, как артефакт, жалобно взвизгнув, гаснет.

– Э-э! Трактирщик! Гремуй, чтоб тебя Прорва съела! Включи артефакт! – несутся со всех сторон недовольные крики.

Перепуганный трактирщик кидается к потемневшему прямоугольнику, начинает дуть на него, стучать по нему кулаком...

– Да, пойдём отсюда, больше ничего интересного не будет, – соглашается Седрик. – По дороге я попробую описать тебе размер задницы, в которую тебя решил отправить твой милый друг Люстин. Пусть небо его примет и обратно не выпустит! – добавляет злобно.

Выйдя из трактира, поворачиваю в сторону королевского дворца: перед отъездом надо проведать Анастезю. Еще раз успокоить ее насчет свадьбы. Если удастся остаться наедине,

то поцеловать ее нежные губы. Огладить упругую пышную грудь, стиснуть в ладонях ягодицы под платьем. Пойти чуть дальше, с удовольствием слушая, как тяжелеет ее дыхание и трепещет тело под моими руками.

Уверен, в брачной постели Анастезя доставит мне удовольствие...

Чувствую, как от мыслей о женском теле неприятно заняли чресла, требуя освобождения от скопившегося за много дней напряжения. Фуллова баба Счастхара! Если бы не она, сейчас бы я наслаждался прелестями желанной жены, а не размышлял, как избавиться от навязанной!

Чтобы успокоиться, глубоко дышу. Втягиваю в себя запахи первых дней лета: прогретой солнцем булыжной мостовой, распускающихся розовых кустов в палисадниках, нежных духов юных дев, спешащих по своим важным девичьим делам...

Люблю это время – одуряющая жара еще не высушила все вокруг, но уже согрела воздух, выгнав из него зимнюю стылость. Ветерок, долетающий с ледяных вершин Синих Хребтов, успевает по дороге слегка прогреться, но все еще пахнет снегом и холодом. Занятное сочетание.

С удовольствием подставляю солнцу лицо. Чувствую, как горячие лучи скользят по коже, греют ее, ласкают. Проходятся по моим шрамам, словно пытаются их разгладить. Увы, даже им это не под силу...

Седрик молча идет рядом. Цепляется носками сапог за

камни мостовой, как делает всегда, когда глубоко задумывается. На меня не смотрит, словно забыл о моем присутствии.

– Ну, так что там с этим Днем Изумруда и ловушками, которые он в себе несет? – разбиваю наше молчание. – По мне так все отлично складывается. Через три дня откроется дорога к замку, я отправлюсь туда и заберу эту девку. Оттащу ее в указанное жрецом место, разведусь и женюсь на Анастее. Все просто!

– Э-эх, мой славный генерал, – Седрик вздыхает. – Если мне не изменяет память, а она меня никогда не подводит, зайти в это время в замок ты можешь свободно. Выйти тоже, но... один! Вывести оттуда Аделаиду ты сможешь только с ее согласия.

– Ты хочешь сказать?..

– Ага, если она пошлет тебя в Прорву с твоим предложением отправиться на другой конец королевства, чтобы развестись, ты ничего не сможешь сделать. Замок не выпустит ее.

Некоторое время я размышляю над словами Седрика.

– Ладно, придумаю что-нибудь. Уговорю, запугаю... Да что угодно сделаю, но она согласится, никуда не денется. Что еще скажешь?

– То, мой славный генерал, что через три дня в замок ринется толпа, нет, армия женихов, один краше другого. Ты видел, сколько мужчин возбудилось на богатство вдовушки эр Счастхара в одной только таверне Гремую? А теперь пред-

ставь, сколько еще желающих поиметь его деньги появилось сегодня по всему королевству, – вздыхает Седрик.

– Чем они могут мне помешать?

– Тем, что она может мгновенно выбрать любого из них и сказать ему «да». Тогда она станет чужой женой, а Анастезя будет навсегда потеряна для тебя, мой славный дракончик.

– Давай-ка с этого места подробнее, мой многомудрый лис, – рычу, чувствуя, как после слов Седрика в голове вспыхивает сигнал опасности. – Как это Аделаида может стать чьей-то женой, если она уже моя жена?

– О-о-о! А мне нравится это твое «моя жена»! – ехидничает Седрик, косясь на меня смеющимися глазами, но быстро возвращается к серьезному виду. – Ладно, шутки в сторону. Дело в том, что тут у нас возникает магически-правовая коллизия. Попросту говоря, противоречие.

– Подробнее!

– По закону Дня Изумруда, кстати, подаренного нам вашими драконьими предками, мой генерал... – добавляет Седрик ехидно. – Так вот, «изумрудная» женщина, сказав «да» соискателю, автоматически становится его женой. При этом любые брачные узы, если они успели возникнуть ранее, аннулируются по Закону Изумруда. Тут главное – вовремя подать заявку в невесты, что твоя ловкая женушка Аделаида и успела проделать, мой славный генерал.

– Это ведь решает все мои проблемы. Баба Счастхара скажет «да» кому-нибудь, кто явится в замок Рихнорр, и я сво-

боден. Могу спокойно жениться на Анастее. Не понимаю, почему ты хмуришься, Седрик?

– Потому что у нас коллизия, как я уже говорил. Да, по закону ты перестаешь быть мужем Аделаиды, и она может смело идти в храм со своим новым избранником.

– Туда ей и дорога, – хмыкаю.

– Увы, друг мой. Это у нее все будет отлично с новым мужем и, может быть, десятком детишек, которых она ему родит. Но не у тебя, мой бедный генерал... – заявляет Седрик и надолго замолкает.

– Да говори ты! – рычу, устав ждать продолжения.

– Для тебя ничего не изменится, Ардар. Ты женат по праву клятвы крови, и никакой Закон Изумруда не может это отменить. Для магии эта Аделаида, пока жива, будет считаться твоей супругой. И когда ты придешь в храм с Анастеей, тебе снова откажут: ты уже женат на другой женщине! Ты попался, мой друг.

– Что за ерунда?! – рявкаю. – С какой стати я женат, а эта Счастхарова девка не замужем? И вообще, как получилось, что она одновременно стала вдовой Люстина, моей женой по клятве и «изумрудной невестой»?

Седрик страдальчески вздыхает:

– Говорю же, коллизия. Она, и еще одна ма-аленькая неувязочка, в которую ты вляпался всеми своими лапами, мой дракончик.

– Рассказывай!

Седрик ухмыляется:

– Думаю, произошло следующее. Умирая, буквально на последнем издыхании, твой друг Люстин эр Счастхар призывает клятву крови. С ее помощью он обязывает тебя стать новым мужем для своей жены Аделаиды после того, как сам он уйдет за облака. Это первая часть.

Дальше, едва клятва произнесена и запущена в дело, Люстин умирает, и Аделаида делается вдовой. Это вторая часть.

Вот тут и начинается самое интересное... Дело в том, что между моментом призыва клятвы и моментом, когда она вступает в силу, проходит некоторое время. Немного, буквально несколько секунд. Пять, может, десять, не больше...

Но если за это время успеть овдоветь и следом подать заявку на «изумрудный брак», то вдовец или вдовица попадает под Закон Изумруда. Под закон, отменяющий все прочие брачные законы и клятвы.

Шустрая Аделаида за эти несколько секунд успевает проделать все это: овдоветь, подать заявку в невесты и попасть под юрисдикцию Закона Изумруда. Все, она свободная женщина – магия не может привязать ее к тебе, эр Драгхар.

Но на тебя, мой бедняжка-генерал, этот изумрудный закон не распространяется. А твоя клятва уже запущена, ТВОЯ клятва крови, дракон! Ее уже не отменишь. Относительно тебя она в любом случае вступает в действие.

Вот тут и случается она, та самая коллизия: Аделаида тебе жена, а ты ей никто. И если наша дамочка решит выйти

замуж за другого мужчину, магия примет этот брак. Но если ты решишь жениться, то хвостик от морковки тебе, а не прекрасная Анастезя с широкими бедрами!

Седрик замолкает, а меня буквально рвет на части от злости...

– Ты уверен, что все именно так, как ты говоришь? – цежу сквозь зубы.

– Абсолютно! Такое уже дважды было в нашей истории. Первым эту штуку провернул лет двести назад Шолих Браски. Это он сообразил, как можно обвести вокруг пальца клятву крови. Таким образом, он вырвал свою будущую жену из лап одного не очень хорошего дракона.

Известен еще один случай. Но подробностей я не знаю, поэтому и говорить о нем не буду. Ты третий, попавший в эту ловушку, мой славный генерал. Люстин эр Счастхар и эта Аделаида разыграли все как по нотам. Или это она сама такая ушлая, не знаю...

Седрик хлопает меня по плечу.

– Сочувствую, друг мой. Наш прекрасный король Пакрисий не простит тебе отказа от женитьбы на его дочке.

– Я женюсь на Анастее, – произношу спокойно. – Доберусь до замка Рихнорр раньше всех желающих туда попасть и тогда... или эта фуллова дрянь согласится на развод, или я стану вдовцом.

– Отличное решение, – с умным видом кивает Седрик. – Я про вторую часть твоего замечательного плана, если что.

Одной Аделаидой на свете больше, одной меньше – кто их считает, правда ведь?

– Чистая правда, друг мой. Никто этих аделаид не будет пересчитывать, – язвлю в ответ. – Особенно таких хитросделанных мерзавок.

Глава 9. Чудесный обычай носить траурные платья – черный так стройнит!

Аделаида Вяземская

– Какие женихи, Пятница? Какой траур? Ничего не понимаю.

В голове снова начинают крутиться обрывки картинок...

Меня толкают и я падаю возле кровати, на которой лежит мужчина из зеркала. Заставляют положить руку на каменный шар. Мужчина кашляет и хрипит. Удар по голове, резкая боль в запястье... Дальше слова про клятву, кровь и мужа, который умер...

Воспоминания нечеткие, они расплываются, путаются и кажутся мне бредом. Хотя, какой бред, если я тут, и за какой-то час-два со мной произошло столько всего!

– Ваш муж умер, мадам. Господин эр Счастхар... вы теперь вдова, – охотно просвещает меня тинка.

– Да? И когда он того... преставился? – спрашиваю я – значит те слова про траур, которые показались мне галлюцинацией, реальные?!

– Так три дня назад, сразу после вашей свадьбы, – девочка подступает ко мне с мочалкой в руках, – Давайте я вымою вас, мадам.

– Я сама в состоянии помыться, – забираю из ее рук мочалку.

– Мадам, тинка должна за вами ухаживать, должна помыть вас! – волнуется Пятница, пытаюсь забрать мочалку обратно. – Так нельзя! Не получится!

– Все можно, и все отлично получится. Вот увидишь, – успокаиваю девочку. – Лучше скажи, как долго я была без сознания?

– Так три дня и были, мадам. Как муж ваш умер, вы с горя сознание и потеряли. Да и пролежали все это время в беспмятстве. Я за вами ухаживала, потому что меня назначили тинкой мадам! – Пятница гордо выпячивает грудь.

– Говоришь, я от горя сознание потеряла?

– Господин Варбрель так сказал. Приказал мне о вас хорошо заботиться. Но я бы и так старалась: вы такая милая, мадам! И красивая, я никогда таких красивых не видела, – тинка прижимает ручки к сердцу и с восторгом смотрит на меня.

– Спасибо за комплимент, – улыбаюсь в ответ на ее восхищение. Показываю на одну из лавок.

– Давай-ка, садись сюда и рассказывай все, что знаешь. Каким образом я вышла замуж за этого... господина Счастливого? Почему он умер сразу после свадьбы? Кто такой Варбрель, и отчего его все так боятся? И про женихов тоже рассказывай!

– Вы не помните, как вышли замуж? – тинка послушно

садится на лавочку и тарасит на меня фиолетовые глазищи.

– Нет, ничего не помню. Я... головой стукнулась и плохо соображала. Так что, чем больше ты мне расскажешь, тем лучше.

Чуть подумав, предлагаю:

– Пожалуй, начни с женихов. Про мужа можно и потом. Он все равно уже умер, ему теперь спешить некуда. А вот женихи – это серьезно. Женихи нам не нужны...

Эх, знать бы мне в этот момент, что не с женихов надо начинать сбор информации! Что как раз таки про муженька безвременно почившего надо справки наводить. Тогда, глядишь, и приготовилась бы я к встрече с тем... безобразием, что уже направилось в мою сторону.

Но, ничего не подозревая, я с удовольствием намыливаю кусочком пахнущего розой мыла. Попутно слушаю путаный рассказ Пятницы и все больше и больше обалдеваю: вот это я попала!

– Я не знаю, какие женихи, мадам, – начинает тинка. – Это господин Варбрель так сказал, когда вы без сознания лежали. Велел мне платьев для вас приготовить побольше, потому что как траур закончится, так и женихи к вам явятся.

– Пардон, а сколько траур-то у вас длится? – моя рука с мочалкой замирает в воздухе, и я произвожу в голове несложные подсчеты.

– Десять дней, – совершенно спокойно подтверждает девочка. – После этого нужно нового мужа искать.

– Ничёси! – обалдеваю я. – Это что за траур длиной в десять дней?!

– Нельзя длинный траур! Негоже, когда женщина надолго без мужа остается, – назидательным тоном произносит Пятница.

– Ну-у, в принципе согласна. Хороший муж – вещь в хозяйстве нужная. Но траур всего десять дней! – я все еще в шоке. – Ну а если я не хочу снова выходить замуж?

– Как это?! Так нельзя! – на лице Пятницы появляется искреннее недоумение. – Только у драконов и оборотней женщина может быть без мужа, потому что они истинных ждут. Да и то, теперь редко кто так делает. Остальные женщины должны быть замужем.

– Ага, должны, обязательно! А еще выйти из ванной в спальню – это не то же самое, что войти в спальню из ванной, – бурчу себе под нос.

– Что вы сказали, мадам? Простите, я не расслышала, – смущается Пятница.

– Да так, сама с собой разговариваю, – отмахиваюсь. – А скажи, милая Пятница, если я здесь хозяйка, то я ведь могу закрыть ворота и не пускать сюда никаких женихов?

Пятница глубоко задумывается. На ее лице последовательно сменяют друг друга удивление, растерянность, задумчивость. В конце концов, она неуверенно произносит:

– Мадам здесь хозяйка. Как мадам скажет, так и будет. Все тинки выполнят приказ мадам. Только зачем...

– Затем! – перебиваю я девочку. – Затем, что не надо мне никаких женихов. Мужей тоже не надо, я обратно в свой мир хочу вернуться! Нужно только понять, как это сделать.

Откладываю в сторону мочалку. Чтобы не смотреть на вытянувшееся от огорчения лицо тинки, закрываю глаза. Надо вспомнить, с чего все началось....

Вот тетка выставляет меня за дверь квартиры бабушки. С собой у меня чемодан и маленькая шкатулочка из ореха. С ней я и приезжаю в театр на спектакль, где заменяю Марьяшу в роли Офелии.

Вот сижу перед зеркалом в гримерке. Взгляд падает на шкатулку, и я достаю из нее колечко. Неожиданно рука дергается, и оно, словно само по себе, оказывается у меня на пальце. Потом мужское лицо в зеркале, сцена и...

Кольцо, с него все началось!

Словно подтверждая мою мысль, палец под ним слегка кольнуло. Раз, другой...

Медленно, не ожидая ничего хорошего, я вынимаю руку из воды, подношу ладонь к глазам и смотрю на колечко.

Кожу под ним снова колет, словно ее кто-то осторожно прикусывает. Голубой камень начинает менять цвет, бледнеет, становится прозрачным и из него на меня смотрит... глаз. Ярко-золотой, с черным вертикальным зрачком, абсолютно нечеловеческий...

Кожистое веко без ресниц неспешно опускается, прикрывая золотую радужку, и в голове у меня раздается свистящий

шепот:

– Ты приш-шла...

Глава 13. Правда частенько выглядит страшным кощунством

Генерал Ардар эр Драгхар

– Ну, что скажешь, мой славный генерал? – Седрик устало вытирает пот со лба. Почти сутки верхом из кого угодно вытянут силы, даже из моего закаленного оруженосца.

– Что говорить? Вот она, Проклятая Долина. Перед тобой как на ладони, любуйся.

– А замок Рихнорр? Почему его не видно?

– Потому что он заколдованный, ты же сам сказал, – усмехаюсь. – Никто его не увидит, пока он не захочет показаться. Или пока кто-то не сделает его видимым.

Мы замолкаем, разглядывая лежащую перед нами пустошь.

Ни деревца, ни кустика, ни даже травинки. Только песок и пыль. Еще тишина, нарушаемая лишь криками стервятников, клюющих тела случайно заскочивших сюда сайгаков. Или глупых двуногих, не понимающих, что ничего, кроме обжигающего ветра, сумасшедшего солнца и скорой, но мучительной смерти их здесь не ждет.

Седрик снова вытирает пот. Снимает с седла бурдюк с водой и делает несколько глотков. Предлагает мне, но я отрицательно качаю головой: пусть оставит себе. Ему еще двое суток здесь сидеть, когда я отправлюсь к замку.

– Знаешь, мой дракончик, – Седрик снова крепит бурдюк к седлу, – я всю дорогу думал про это дело. И чем больше я о нем думал, тем больше странностей в нем находил.

– Каких именно?

Лис, и правда, с момента, как мы покинули столицу, был подозрительно молчалив. Ладно бы в конце пути, когда сил даже просто держаться на лошади уже не осталось. Но, нет, и с самого начала он молчал намного больше обычного.

– Каких странностей, спрашиваешь? Да всяких. Начиная с внешности этой Аделаиды эр Счастхар и заканчивая тем, как своевременно в таверне мона Гремюя появился показывающий картинку артефакт.

– При чем здесь артефакт, и что с ним не так?

Седрик цокает языком:

– Насколько я знаю, наш добрый трактирщик много месяцев пытался получить разрешение на него. Да только ему все время приходил отказ... А тут вдруг – раз, и незадолго до Дня Изумруда у Гремюя появляется и лицензия, и даже артефакт уже висит на стеночке.

Седрик дергает своим длинным носом, словно принюхивается к чему-то дурно пахнущему.

– Ну а между этими странностями еще мно-о-го других.

Главная – то, что наш прекрасный король Пакрисий ни с того ни с сего решил отдать свою единственную дочку именно за тебя, генерал эр Драгхар, – Седрик напряженно смотрит в одну точку, будто продолжает упорно думать.

Молчу, жду, что еще скажет. Я тоже всю дорогу размышлял над всем произошедшим и сделал кое-какие выводы. Интересно теперь сравнить наши с лисом умозаключения.

– Следующая странность, что твой бывший дружок эр Счастхар так внезапно умирает, хотя еще очень молод для дракона. Умирает ровно к моменту, как тебе нужно жениться на королевской дочке. Опять же, умирает последний представитель одного из драконьих родов, но никто в королевстве об этом не знает, не ведает.

– Случается и такое, что дракон умирает молодым. Что никто об этом не знает, тоже можно объяснить, – вставляю реплику и жду, куда дальше заведут рассуждения моего оруженосца.

– Согласен, можно объяснить. Эр Счастхар последнее время носа не показывал из своих имений. Ни с кем не общался и во дворец не приезжал, даже когда Пакрисий его звал... Но знаешь, мой славный дракон, одна странность может быть просто странностью. Две странности – совпадением. Но три странности – уже закономерность, очень подозрительная закономерность...

– И что ты подозреваешь, мой многомудрый друг? – решаю спешиться, чтобы дать отдохнуть лошади. Прохажива-

юсь туда-сюда. Разминаю ноги и вглядываюсь в ту сторону, откуда мы с Седриком приехали.

Там, на очень большом расстоянии, темнеет облачко. Готов отдать половину своих земель, если это не женихи, которыми пугал меня Седрик. Спешат, торопятся добраться до края Проклятой Долины к моменту, когда она откроется для всех и каждого.

– Подозреваю, что кто-то очень умело всем этим руководит, – Седрик тоже слезает с лошади.

Подхватывает и свою, и мою под уздцы и отводит их в чахлую тень деревьев. Привязывает и возвращается ко мне. Мы еще какое-то время стоим, разглядывая лежащую перед нами долину.

– Кого ты подозреваешь, и в чем? – нарушаю молчание. До сих пор его рассуждения практически один в один совпали с моими. Интересно, до чего еще он дошел?

– Кошунство с моей стороны о таком думать, конечно, – Седрик досадливо морщится, – но у меня только один вариант...

Глава 10. Ну и что, что у меня грудь впалая? Зато спина колесом!

Генерал Ардар эр Драгхар

– Думаю, за всем этим стоит наш прекрасный король. Только в его интересах вымарать из списка знатных фамилий королевства как можно больше драконьих родов. Особенно твой и эр Счастхаров, – произносит Седрик задумчиво.

– Ну, и зачем ему это надо? – делаю вид, что не понимаю. – Ты же догадываешься, что, ослабляя драконьи семьи, Пакрисий ослабляет свое королевство и свою власть?

– Вот! Власть. Это ключевое слово, и наш прекрасный король очень его любит.

– Еще, к сожалению, он отлично помнит, что твой род стоит НАД его родом, – Седрик морщится. – Пакрисий никак не может забыть, что трон его деду достался совершенно случайно. Просто потому, что не был нужен твоему предку, мой славный эр Драгхар.

– Он не был нужен и деду Люстина эр Счастхара, – добавляю, чуть усмехнувшись.

– Да, и ему. Вот только от Счастхаров осталась одна эта... Аделаида, то есть никто. А от вас, эр Драгхаров, целых двое: ты и твоя куколка сестра. И какие выводы мы из этого дела-

ем? – Седрик косит на меня черным глазом.

– Забыл, что из нас двоих ты ученый умник? Вот и делай выводы, а мне пора в долину.

– Э-э! Как в долину? Она ведь только послезавтра откроется! – в глазах оруженосца вспыхивает недоумение.

– Послезавтра здесь будет целая свора «женихов». Вон они, уже мчатся сюда, – киваю в сторону темного облака, уже подросшего в размерах. Похоже, желающих заполучить вдовушку и богатства Счастхара с каждой минутой все больше.

– Мне нужно оказаться в замке раньше всех, чтобы эта фуллова Аделаида не успела никому из женишков дать согласие, – объясняю взволнованному оруженосцу.

Неторопливо стягиваю с себя часть одежды: чем меньше тряпок на мне будет во время оборота, тем лучше.

Совсем, конечно, оголяться не буду, чтобы не шокировать «почтенную публику», когда приземлюсь в замке. Да и вылавливать эту фуллову бабу Аделаиду будет проще в штанах, а не сверкая по замку голой задницей.

Пока пристраиваю камзол и плащ в седельную сумку, продолжаю говорить:

– Проход через долину откроется через два дня. Еще два дня претенденты на вдову Счастхара будут добираться до замка. Итого, начиная с настоящего момента, у меня есть четыре дня...

– Четыре дня, чтобы уговорить Аделаиду развестись? – уточняет Седрик.

– Четыре дня, чтобы добраться до замка, суметь попасть в него, уговорить мерзавку на развод... или стать вдовцом, – скалю зубы в улыбке, от которой оруженосца передергивает. Какой нежный, однако!

– А я?! Я что, один с этими останусь?! – Седрик кивает на темное облако на горизонте.

– Почему один? Со своими сородичами, чьи уши торчат из-под тех камней. И за теми кустами тоже, – усмехаюсь.

– Я их не звал, – Седрик гордо задирает нос.

– Конечно, не звал. Но как же подданные оставят своего принца, если он направился в такое опасное место?! – смеюсь, хлопаю Седрика по плечу. – Это ты порвал со своим отцом, принц оборотней. Но не он с тобой.

– Все-то ты знаешь, мой великий генерал, – зло огрызается оруженосец, но в его черных глазах на мгновение появляется тоска.

Ничего, мой мальчик, все образуется со временем...

– Ты остаешься и ждешь прибытия «женихов». Они будут здесь как раз к моменту, как Долина станет проходимой. Твоя задача, мой многомудрый хитрец, сделать так, чтобы к замку добралось как можно меньшее их число и как можно позже.

Достаю из седельной сумки кольцо и кидаю Седрику:

– Держи, это порталный артефакт. Должен сработать, когда с долины снимут защитную магию. Если нет, значит, просто несешься ко мне, не жалея лап, как только путь к замку

станет свободен.

Седрик ловит кольцо. Вертит его, разглядывая. Поднимает на меня взгляд:

– Ардар, как ты полетишь через Долину? Ты... ты не пройдешь!

– Я уже был в ней дважды и жив, как видишь. К тому же не забывай про магию крови – она поможет мне добраться до моей «женушки».

Отхожу на несколько шагов, выбирая место для оборота, но тут вспоминаю слова Седрика про странности...

– Скажи-ка, что ты там говорил про внешность этой... Аделаиды?

– Что я говорил? – хмурое лицо Седрика мгновенно разглаживается. Становится хитрым и подозрительно довольным. – Ты ведь не успел ее увидеть, мой славный дракончик?

– Артефакт сломался как раз в тот момент, когда я повернулся посмотреть. Надеюсь, она уродлива?

– Ну-у-у... она не блондинка, в отличие от прекрасной пышнобедрой Анастее. А остальное... Ой, да сам скоро увидишь!

– Можешь не продолжать. Раз не блондинка, значит уродина.

Отхожу в сторону, концентрируюсь, призывая своего дракона. Дрожь в теле, ослепительная вспышка и я расправляю крылья. Отталкиваю от земли...

Последнее, что слышу, прежде чем взлететь, ехидное бур-

чание Седрика:

– Вообще, ни разу не блондинка. Но тебя ждет большо-ой сюрприз, мой славный генерал...

Глава 11. Никогда не знаешь, за каким углом тебя поджидает что-нибудь интересное. Например, встреча с твоими детскими кошмарами

Аделаида Вяземская

Два дня я обживалась в «своем» замке. Точнее, ходила по нему в сопровождении Пятницы. Осматривалась и знакомилась с его жителями.

Замок оказался небольшим. Даже не замком, в привычном понимании этого слова. Просто огромным домом, стоящим на высоком скальном уступе над роскошной зеленой долиной.

Два прямоугольных двухэтажных крыла с двух сторон сходились к центральной квадратной башне. У основания башни расположилась широкая терраса, нависающая над центральным входом. Стены украшали несколько готического вида балкончиков и галереи, соединяющие разные концы дома.

Еще было несколько узких круглых башенок, прилепившихся к наружным стенам. Внутри них закручивались узкие винтовые лестницы, уводя куда-то под самые островер-

хие крыши. Но подняться туда у меня пока не было ни сил, ни желания. Потом схожу, когда с основными помещениями разберусь.

Станным оказалось то, что в замке не было никого, даже отдаленно напоминающего дворецкого, домоправительницу или хотя бы старшую горничную. В общем, кого-то, кто руководил бы работой слуг, которых здесь было ни много ни мало, а пять с лишним десятков.

Удивительно, но все они на диво слаженно и добросовестно делали свою работу, поддерживая в замке чистоту и наводя красоту на прилегающей территории. Казалось, что у каждого работника внутри «защита» рабочая программа, в соответствии с которой он и действует без всяких указаний со стороны.

Из людей здесь работали четыре средних лет женщины и трое того же возраста мужчин. Одну из женщин, Маану, я уже знала – в первый день она приносила мне еду и отвечала за кухню. Остальные занимались прачечной, погребями и кладовыми.

Мужчины трудились в конюшне, котельной и занимались разными делами, которые не могли выполнить тинки. Входить-то они, бедолаги, просто так никуда не могут! Только выходить... Интересно, кто же им так головы-то задурил?!

Еще в замке обитала молодая, белокурая красавица с румяными щеками и нахальными манерами по имени Стея. Чем девица занималась, никто толком сказать мне не смог,

а сама красотка после первой встречи старательно от меня бегала.

Оставив ее на потом, я занялась самым, на мой взгляд, важным делом. Вернее, двумя.

Первым делом я решила, что всем тинкам нужно дать имена. И два дня, знакомясь, старательно именовала этих добродушных, приветливых и немного наивных созданий. Так, тинка, занимающийся библиотекой, стал Сократом. Ну, умный он! Тинка, а не сам древний философ, естественно.

Важный, упитанный тинка, главный повар на кухне, получил имя Ватель, в честь знаменитого французского кулинара. Четыре молоденьких смешливых горничных стали Фиалкой, Розочкой, Незабудкой и Лилией.

Мама Пятницы, дородная статная дама отныне звалась Маргаритой, в честь французской королевы и героини романа Александра Дюма.

В общем, я по полной оторвалась, вспоминая названия цветов, имена известных исторических, литературных и сценических персонажей!

Гамлет, естественно, тоже появился среди обитателей замка Рихнорр. Так же как Офелия, Джульетта, Ромео, Отелло и Дездемона.

Ну а что, красивые имена. Увековечим и в этом мире великого Шекспира! Главное, чтобы тинка-садовник Отелло не начал сдуру душить стряпуху Дездемону, и все будет хорошо!

Еще, изучая замок, я напряженно думала, каким образом отделаться от женихов, которыми меня пугала Пятница. Как оказалось, это была вовсе не шутка: все население замка старательно готовилось встречать этих товарищей.

Кухарки, возглавляемые Вателем, делали бесчисленные заготовки для предстоящих мне завтраков, обедов и ужинов с гостями. Горничные убирали комнаты, прачки настирывали и наглаживали постельное белье.

Конюхи строили новые стойла для лошадей, на которых приедут женишки. Садовники приводили в порядок подъездную аллею. Уборщики территории чистили длинную каменную лестницу, ведущую от дороги к центральному входу в дом.

В общем, дело кипело. А у меня закипал мозг, пытаюсь придумать, как отделаться от запланированного нашествия саранчи, то есть, женихов... Кипел, кипел, чуть не выкипел.

Правда, оказалось, что мне и думать-то не надо было об этом, потому что через два дня в замок явилось Чудовище...

К вечеру второго дня погода меняется. Почти мгновенно мягкое тепло сменяется одуряющей жарой, которую приносит ветер с долины. Сухой, колючий и очень горячий, почти обжигающий. Он со свистом кружит вокруг замка, бьется в звенящие под его ударами окна, заставляет трещать деревья в парке.

– Мадам, нельзя! – Пятница чуть не силой тащит меня об-

ратно в комнату, когда я пытаюсь выйти на балкон посмотреть, что происходит. – Это самуханах! Он высушит ваши волосы и кровь, посечет кожу. Это плохой ветер. Страшный.

Лицо у девочки бледное, губы дрожат, словно от страха. Она очень плотно закрывает балконную дверь и задергивает штору. Бежит к окну, захлопывает его и задвигает занавеску. Несется в гардеробную, затем в ванную...

– Пятница, что с тобой? – спрашиваю, когда она снова появляется в спальне.

– Это самуханах! С ним всегда приходит беда. Я знаю, в моей жизни уже дважды такое случилось.

Тинка начинает заламывать руги и умоляюще просит:

– Мадам, могу я уйти? Мне нужно к другим тинкам. Мы всегда вместе, когда приходит этот ветер. Я помогу вам раздеться для сна и скажу Маане, чтобы принесла вам ужин, а потом уйду...

Фу ты, ну ты! Так испугаться ветра! Хотя кто его знает, вдруг он, и правда, особенный. Да и Пятница, вон какая бледная: черная кожа стала почти серой от страха. И трясется вся.

Приобнимаю девочку и глажу по голове:

– Пятница, это просто ветер. Ну да, сильный и горячий, ну и что!

– Это самуханах! – как заведенная повторяет тинка. – Можно я уйду к другим тинкам?

– Иди, раз нужно. Иди к своим, и ничего не бойся, ладно?

За меня тоже не волнуйся: я сама разденусь, и сама с едой разберусь, – успокаиваю девочку.

– Спасибо, мадам, вы такая добрая! Только наружу не выходите. Даже не выглядывайте! – Пятница чуть не бегом вылетает из комнаты, а я подхожу к окну. Отодвигаю штору и замираю, уставившись на долину.

Там творится что-то странное. Еще несколько минут назад ярко-зеленая, сейчас она желто-бурого цвета. С деревьев слетели все до одного листочка, и под порывами ветра стволы пригибаются к земле, почти ложась на нее голыми ветками.

Еще над долиной летают птицы. Много. Очень много, целые стаи крупных крылатых фигур с черным опереньем. Странно, но им ветер совсем не мешает лететь в том направлении, куда надо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.